

Анатолий Терещенко

ОН СПАС

СТАЛИНА

М
И
Р
Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко

Он спас Сталина

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 94(47+57)
ББК 63

Терещенко А. С.

Он спас Сталина / А. С. Терещенко — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018 — (Мир шпионажа)

ISBN 978-5-6040605-5-1

Книга посвящена забытому на полстолетие сотруднику Смерш НКО СССР генерал-майору Николаю Григорьевичу Кравченко, активному участнику контрразведывательного обеспечения международной конференции 1943 года в Тегеране – т. н. «Большой тройки». Блестяще организованная советскими органами госбезопасности совместно со спецслужбами союзников операция по нейтрализации готовящейся террористической акции фашистов произвела настолько сильное впечатление на Рузвельта и Черчилля, что они захотели увидеть человека, спасшего им жизни. Сталин выполнил просьбу. Они были удивлены столь низким званием – подполковника и попросили присвоить И.Г. Кравченко генеральское звание, что и было сделано. О жизни и деятельности патриота и защитника Родины и пойдет речь в этом повествовании. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47+57)
ББК 63

ISBN 978-5-6040605-5-1

© Терещенко А. С., 2018
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

Предисловие	5
ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА	8
МАХНОВЩИНА	13
ЧЕРВОНОЕ КАЗАЧЕСТВО	20
КРОВАВЫЙ ГОД	25
ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...	30
ОПЕРАЦИЯ «ДЛИННЫЙ ПРЫЖОК»	39
«АГЕНТ 17» И МАЙОР ФОН ОРТЕЛЬ	46
ЗЕЛЕННЫЕ ПОГОНЫ	50
СТАЛИН НА ПУТИ В ТЕГЕРАН	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анатолий Терещенко

Он спас Сталина

Предисловие

*Ненависть – активное чувство недовольства; зависть – пассивное.
Нечего удивляться тому, что зависть быстро переходит в ненависть.
Йоганн Гете*

О Тегеранской международной конференции написаны десятки книг, сотни статей, в 1981 году поставлен и вышел на экраны советско-французский фильм «Тегеран-43», который вызвал фурор. Над фильмом работали специалисты СССР, Франции, Испании и Швейцарии. В итоге режиссеры Владимир Наумов и Александр Алов получили награды: на Всесоюзном кинофестивале – главный приз, а на Международном – еще два. В главных ролях были задействованы такие видные и выдающиеся артисты, как Наталья Белохвостикова, Игорь Костолевский, Армен Джигарханян, Ален Делон, Курд Юргенс, Альберт Филозов, Жорж Жере, Глеб Стриженов, Николай Гринько и др.

Настоящая книга посвящена забытому более чем на полстолетия советскому военному контрразведчику, сотруднику легендарного Смерша генерал-майору Кравченко Николаю Григорьевичу, принимавшему активное участие в боях и оперативных действиях органов военной контрразведки с первых дней Великой Отечественной войны. Он также участвовал в охране «Большой тройки» и спецоперациях по обезвреживанию группы гитлеровских агентов-террористов, готовивших покушение на руководителей СССР, США и Великобритании – И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Тегеране.

Блестяще организованная советскими органами госбезопасности совместно со спецслужбами союзников операция по нейтрализации готовящейся террористической акции фашистов произвела настолько сильное впечатление на президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, что они корректно высказали желание увидеть человека, который спас им жизнь.

Удивленные низким воинским званием одного из непосредственных руководителей этой операции подполковника Николая Григорьевича Кравченко, они посчитали своим долгом попросить Сталина присвоить ему генеральский чин.

Сталин выполнил их просьбу...

После смерти вождя и прихода к власти Н.С. Хрущева начался процесс так называемой десталинизации. Теперь под дробилку новых репрессий попали люди, работавшие при Сталине. Но не правители, а время и их дела определяют появление людей в ту или иную эпоху.

В жерновах так называемой оттепели оказалась и трагическая судьба генерал-майора Н.Г. Кравченко, и многих тысяч сотрудников органов госбезопасности, блестяще зарекомендовавших себя в годы войны на незримом фронте в борьбе с опытными спецслужбами гитлеровской Германии.

О жизни и деятельности патриота и защитника Родины, его шельмовании в конце 1950-х годов и пойдет речь в этом повествовании. Написать о забытом генерале военной контрразведки заставили автора и обстоятельства совместной службы, правда в разное время, в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу с местом его дислокации в городе Львове.

У Жана-Батиста Массийона мне встретились такие слова: «Существует немало мрачных и раздражительных умов, которые радуются лишь тогда, когда находят зло там, где его нет».

Давно замечено, что время и обстоятельства лепят судьбу человека. Хотя и считается, что еще в колыбели решается, куда склонится чаша весов у человека в будущем, но мне кажется, любой homo sapiens делает себя сам, своим трудом и поведением.

Также читатель встретится на страницах данного повествования с мрачными и раздражительными умами, попытавшимися ошельмовать патриота Отчизны – честного, мужественного и верного человека.

Предлагаемая книга ни в коем случае не претендует на роль истины в последней инстанции. Автор понимал, что большая часть основных материалов о генерал-майоре Кравченко Николае Григорьевиче до сих пор засекречена. Поэтому у него был только один путь – искать людей, служивших, работавших или знавших Николая Кравченко в быту, родственников, а также открытые источники и, сопоставляя материалы и анализируя действия офицера, выстраивать векторы и вехи всего жизненного пути мужественного и скромного человека.

Вообще сильные личности не нуждаются в рекламе, делая большие и важные дела тихо, незаметно, но напористо. Время и только время имеет прямое отношение к природной закономерности настоящее делать прошлым – так уж устроена жизнь. Люди тоже, нередко проходя через время, убивают память о прошлом своих даже близких по духу современников. Это случается по разным причинам: наветам, зависти, равнодушии.

В поисках материалов для написания книги о защитнике Отечества большую помощь оказали сослуживцы Кравченко: генерал-лейтенант Ф.И. Рыбинцев, генерал-майоры в отставке Л.Г. Иванов, Г.М. Казимир, В.А. Кириллов; полковники в отставке Д.Ф. Капранов и А.А. Вдовин, а также председатель Совета ветеранов ДВКР ФСБ РФ по Калининградской области полковник в отставке С.И. Захаров.

Автор благодарен им за помощь в воскрешении в памяти этой неординарной личности.

Замечено, что о жизни человека всегда больше, чем скудные данные личных дел, могут рассказать люди, тесно или близко общающиеся с ним. Одни в ходе бесед снабжали автора интересной информацией о местах и времени прохождения им службы. Другие с теплотой отзывались о личности вообще и душевных качествах нашего героя, волею судеб вознесенного на олимп славы, а по зависти и мести конкретного недоброжелателя и его шептунов уничтоженного морально, что в конечном итоге и приблизило его гибель.

Нашему герою приходилось трудиться в той эпохе, когда жить было легко, но довольно-таки противно, особенно после 1953 года на новой волне «оттепельских» репрессий Никиты Хрущева с реальными тюремными сроками и новой кровью жертв в результате неоправданных казней часто невиновных людей.

Да, это касалось и сталинского, и хрущевского времени. Одним цветом не нарисуеть реалистичную картину жизни человека. После смерти Хозяина СССР новый вельможа Кремля попытался всячески очернить период сталинского руководства страной и людей, чем-то отличившихся в этот период.

На всех углах и перекрестках Советского Союза срочно перекрасившиеся вчерашние партократы из сталинской обоймы, ставшие в одночасье клеветами нового партийного барина, кричали о сплошных преступлениях и недостатках предыдущей эпохи, в делах которой и сами активно поучаствовали.

Оглуплялись люди, работавшие со Сталиным. Вешались негативные ярлыки на полководцев, выдвинутых Красной армией и народом в годы войны. Авторитет армии был снижен до опасно низкого уровня, а о роли органов госбезопасности и говорить не приходилось – они были затоптаны в грязь. Все – и контрразведка, и разведка. В одну кучу бросались и негодяи, и честные, порядочные, мужественные офицеры и генералы, которых было несомненное большинство.

Создавалось впечатление, что «новая» со старыми замашками власть, активно поучаствовав в сталинском режиме, почему-то то и дело шельмовала «чужое» прошлое. А ведь оно

было для них родным. Было их родимым пятном. И что удивляло тогда многих простых добропорядочных тружеников, это культивирование из героев не единицы, а целые отряды анти-героев.

Подобные типы, способные на подлости, называются в народе маленькими людьми. «Я человек маленький!» – говорят обычно такие люди и бьют ниже пояса. Не способный ни к чему способен на все. На свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они грешат.

В жизни часто случается так, если человек поступает по-свински, он говорит: «Помилуйте, я всего лишь человек!» А если с ним поступают по-свински, он восклицает: «Позвольте, я ведь тоже человек!»

Хрущеву и его приближенным не хотелось делать какие-то прогнозы и объясняться – воля для них была основой действия. Как-то академик А.Л. Яншин заметил: «Не все же бегать и орать... Надо же когда-то сесть и подумать».

Но не до мыслей было политикам. Дабы отвлечь от внутренних трудностей и своих грехов, главный удар наносился по сталинским репрессиям, в которых самое активное, если не активнейшее участие принимал и новый «пухлый вождь», в бытность находившийся на партийной работе в Киеве и Москве. От них он, конечно, отрекся, в том числе и известным воровским методом – ликвидацией лично и по его приказам опасных архивов. По этому поводу уже написаны сотни книг.

Кто-то из великих сказал, что всякий панегирик скучен, а сатира занимательна: следовательно, чтобы не быть скучным, невежда вынужден навредить не столько из желания, сколько из тщеславия. Такие типы мстят недозволенными методами и, потирая потные руки, радуются «успехам наказания».

Поломанных людских судеб с личным участием Хрущева было много, очень много, не все известно до сих пор. Одних расстреливали, других сажали в тюрьмы на длительные сроки. А третьих унижали внезапными увольнениями под надуманными предлогами. Для таких людей совесть перестает быть трендом. Она, как аппендицит. Заболит – вырезал. Они вне критерия добра и зла, правды и неправды. Они всегда правы.

Одним из этого ряда обреченных закончить жизненный путь в унижении и прозябании был и Николай Григорьевич Кравченко – бывший герой Тегеранской конференции, спасший в ходе участия в агентурно-оперативных мероприятиях вместе с другими сотрудниками Смерша жизни Сталину, Рузвельту и Черчиллю.

Последняя его должность в военной контрразведке – начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу, в котором довелось служить и автору этих строк.

Власть до сих пор не извинилась за молчание и не сказала добрые слова патриоту Отчизны, активному участнику Великой Отечественной войны, ошельмованному хрущевской местью. Молчат почему-то и коллеги...

ТЕПЛО РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА

*Среди полей, холмов, оврагов.
Любимый сердцу уголок.
Кусочек Родины прекрасной,
Где сеть проселочных дорог...*

Валентина Гузеева

Как точно сказала поэтесса Т. Залесская, «милая малая родина, теплый родительский дом, сколько дорог было пройдено – думали всюду о нем».

У каждого в биографии есть причал, или остров, под названием «детство», из которого отправляются в многолетнее плавание по волнам жизни. А еще его называют малой родиной с запахами отчего дома, хаты или избы. В этом бушующем страстями море у каждого живого существа бывают взлеты и падения, страхи и бесстрашие, победы и поражения.

Малой родиной для нашего героя стало казацкое село с хатами-мазанками, в которых применялась технология деревянного каркаса, как и у стен фахверкового дома. Промежуток между стойками и ригелями заполняли кольями, оплетали их хворостом, соломой или камышом, а затем обмазывали глиной.

Именно в таком доме в селе Котовка Екатеринославской губернии в 1912 году в семье Григория Кравченко родился

мальчик. Нарекли его Николаем. Наверное, родители знали, что имя переводится с греческого языка как «победитель народов». Энергия этого имени обладает удивительной подвижностью. Медлительность ему чужда и противна. Но, заинтересовавшись, он способен на чудеса.

Николай склонен ощущать себя центром мироздания, довольно самолюбивый и самодовольный человек. Трудно отыскать какую-либо область, в которой он не имел бы собственного мнения. Впрочем, не надо представлять Колю этаким всезнайкой, просто это свойство любого быстрого ума.

По сути своей он – человек очень добрый, непривередливый, в быту может довольствоваться малым. Мыслит конкретными категориями, пустому созерцанию предпочитает дело, которому отдает все силы своей богато одаренной души.

Николай – честный человек и нарочито прямой. Может быть поэтому, ему неприятна и непонятна всевозможная закулисная возня. Не выносит непорядочности и в этом смысле одинаково строг и требователен к себе и другим, работающим под его началом.

В женщине ценит не только внешние данные, а умеет наслаждаться и духовной близостью с ней. Он окружает себя толпой приятелей, но только избранные считают себя его друзьями.

О имени и личности написано тоже немало толковых объяснений. Конечно же, каждый человек – творец своей собственной судьбы.

По преданию, своим названием Котовка обязана запорожскому казаку Василию Коту, основавшему в начале XVII века небольшой хутор на месте теперешнего села. Оно расположено на левом берегу реки Орели, что в двадцати пяти километрах от железнодорожной станции Вузовка на линии Новомосковск – Красноград. Через село проходят канал Днепр – Донбасс и связанная с ним автострада. Впоследствии рядом возникли хутора казаков-переселенцев. Особенно много было их почему-то из Полтавской губернии. По рассказам бабушки автора Марии Захаровны Терещенко (Ефимовой), уроженки казацкого села Сурмачивка на Полтавщине, ее предки покидали родной край из-за феодального закабаления и уезжали с семьями на земли Екатеринославщины и дальше.

«Вот и мой прадед Ефимов Захар, покинув село Сурмачив-ку, отправился в середине XIX столетия на волю. Потянуло его к большой воде – к морю Черному. Прошел все морские ступени, став капитаном торгового судна. Участвовал в Крымской, или Восточной, войне 1853–1856 годов. После войны, получив тяжелое ранение, приехал в родное село в выстроенную им когда-то хату-мазанку на горбу правого высокого берега реки Сулы – притока Днепра, где и закончил жизненный путь».

Но вернемся к Котовке.

Согласно историческим документам, казаки «запасали дерево» за «Орелью, при деревне Котовка».

В 1771 году Гадячская полковая канцелярия Полтавской губернии вела переписку с Кошем Запорожской Сечи, требуя выдачи казака Федора Волощенко, переселившегося в местечко Котовку с двумя работниками и всем имуществом, включая 36 волов и 2 строевые лошади.

На следующий год в Котовке обосновалось уже несколько семей крестьян, приписанных к Гадячскому полку и принимавших участие в восстании против его командира Милорадовича.

После ликвидации Запорожской Сечи Котовка вместе с пахотными землями и угодьями была пожалована Екатериной Великой в качестве «ранговой дачи» полковнику Л.С. Алексееву, ставшему одним из крупнейших землевладельцев края.

В документах 1785 года она значится как слобода Алексопольского уезда Екатеринославского наместничества, а с 1797 года – Новомосковского уезда Новороссийской губернии. Помещику принадлежало 12,3 тысячи десятин земли, в том числе 8,5 тысячи – пахотной. В имении действовали полотняная фабрика, оснащенная механическими станками, винокуренный и конный заводы.

Выгодное географическое положение Котовки, через которую проходили дороги с чумаками за крымской солью из Полтавы и Харькова в Екатеринослав и Новомосковск, способствовало появлению в ней торговли сельскохозяйственными продуктами, ремесленными товарами, изделиями народных промыслов.

Путем жестокой эксплуатации крестьян – барщина в экономии Алексеева достигала пяти дней в неделю – богатый помещик наживал огромные барыши. Среди селян постепенно зрело недовольство, говоря современным языком, сельским олигархом, готовое перерасти в пушкинский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

В 1856 году бунт прокатился по многим южным губерниям под лозунгами – «Долой крепостничество!», «Долой рабство!», «Требуем волю на нашу долю!». Среди крестьян екатеринославской и соседних земель это антикрепостническое движение получило название «Поход в Таврию за волей».

Нищенское существование, политическое бесправие даже после отмены в 1861 году Александром Вторым крепостного права толкали крестьян на борьбу против помещиков и царской администрации. 29 августа 1884 года жители Котовки подожгли в экономии амбары с зерном, другими продовольственными запасами и уничтожили посевы.

В феврале 1898 года местный крестьянин Д. Редька распространил слух об увеличении земельных наделов. В донесении полицейского урядника от 16 января 1900 года сообщалось, что житель Котовки крестьянин Д. Панченко агитировал односельчан отобрать землю у помещика, за что был арестован и предан суду.

Революция 1905 года подняла самосознание народа на новую высоту. В конце года, а точнее в ноябре, забастовочная борьба приобрела настолько острый характер, что главный екатеринославский администратор вынужден был просить своего коллегу полтавского губернатора помочь войсками – ввести солдат в Котовку.

На вопрос котовского начальника: «Чего они восстают?» селяне ему отвечали просто: «Собака лает там, где она привязана!»

Сегодня мы бьем челом Столыпину, делаем из него спасителя России, забывая о его больших грехах, в том числе и «стольпинских галстуках»:

*Цитат Столыпина уж рать
О выживании России
Но позабыли рассказать
Как «галстуки» его носили...*

Забыли и про то, что стольпинская аграрная реформа ускорила процесс расслоения крестьянства. С каждым годом в селе увеличивалось количество безземельных и безлошадных хозяйств. Появились крупные землевладельцы, которых потом называли кулаками. Период стольпинщины в Котовке был похож на нашу современную жизнь, где рядом с замками, виллами, коттеджами сегодняшних нуворишей можно встретить обилие «фанерных скворечников» или «собачьих будок», принадлежащих простому люду, построивших их на свои честно заработанные, потом пропахшие и даже кровью политые в Афганистане и других горячих точках рубрики.

В «Справочной книге Екатеринославской епархии за 1913 год» говорилось:

«Во внешнем виде села также появилось социальное неравенство его жителей. Помещичье имение, окруженное тенистым садом с искусственными прудами и живописными беседками, возвышалось среди крытых соломою хат, теснившихся вдоль узких кривых улочек. В Котовке не было больницы – село входило в Гупаловский врачебный участок, объединявший 5 волостей с населением 37 тысяч человек.

Большинство крестьян лечилось у знахарей, детская смертность была крайне высокой. Церковно-приходская и сельская одноклассная земские школы не могли охватить всех желающих учиться...»

В ноябре 1916 года в селе стали распространяться листовки, изданные Екатеринославским комитетом РСДРП. В них призывали солдат повернуть штыки против царя и помещиков. А скоро наступил и Октябрь 1917 года, встреченный жителями Котовки с радостью. События революции, или переворота, как кто воспринимает это важное событие в жизни России, активизировали трудящихся Котовки на борьбу против местных богатеев.

Именно в этой обстановке рос Николай Кравченко в родной Котовке, ставшей для него навсегда малой родиной, которую он любил всем своим пылким и горячим сердцем.

Николай с детских лет увлекался рыбной ловлей. Он, как и его сверстники, понимал: там, где есть вода, там имеется и рыба, и ее стоит ловить. Нередко с друзьями подросток отправлялся с удочками на реку Орель или к прудам. Однажды он принес на лозовом кукане килограмма два рыбешек.

– Мамо, посмотрите, сколько я поймал, – танцуя и подпрыгивая на одной ноге, он протянул вязку речных трофеев. (На Украине к старшим и родителям дети обращались только на «вы». – *Авт.*).

– Молодец, сынок, жаряночка на вечерю уже есть, – на материнском лице засветилась улыбка, в последнее время редко появляющаяся из-за бытовых трудностей и военного лихолетья.

– Мамо, я еще наловлю!

– Голодать, значит, не будем?

– Конечно, нет... рыбы в речке и в ставках полно. Меня хлопцы научили по-настоящему подсекать. А то я торопился и дергал, как сумасшедший. Даже маленькая плотвичка срывалась с крючка. Я сегодня больше всех поймал.

– Как говорится, проголодаешься, так сам догадаешься. А вообще не хвались, другой раз можешь оказаться неудачником, – заметила мать.

Рос Николай смышленным пареньком, хотя поначалу был робок среди сверстников. Но вот что удивляло родителей – с годами его все больше и больше тянуло к старшим, где он постигал то, чего одноклассники, а тем более младшие по годам не знали не ведали.

Детство Коли было опалено огнем Гражданской войны, которая горячим, долго не остывающим катком прокатилась и по землям Екатеринославской губернии. Она принесла в каждую семью голод, холод и мордобой. Сыновья воевали с отцами, отцы убивали детей. Красный брат убивал белого брата. В казаках началось такое брожение, что один из столпов большевистской власти Лев Троцкий призывал к уничтожению станичников, их быта и традиций, требовал поголовного «расказачивания», что активно применялось на практике.

А ведь еще Л.Н. Толстой говаривал: «Казаками построена Россия!» Наверное, с этим нельзя не согласиться. Тогда как Троцкий утверждал обратное:

«Казаки – единственная часть русской нации, способная к самоорганизации. По этой причине они должны быть уничтожены поголовно... У казачества нет заслуг перед русским народом и государством. У казачества есть заслуги лишь перед темными силами русизма... Особенно рельефно бросается в глаза дикий вид казака, его отсталость от приличной внешности культурного человека западной полосы. При исследовании психологической стороны этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира... Насущная задача – полное, быстрое и решительное уничтожение казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества».

Это было зверство не только главного атеиста большевиков, но и русофоба-человеконенавистника.

Следует заметить, что Ленин поддерживал «первого барабанщика революции», тогда как Сталин относился к этим событиям мягче, считая, что достаточно большая часть казачества лояльно относилась к советской власти. И это была правда до тех пор, пока некоторые политики не перегнули палку. Она не выдержала напряжения и треснула. Спицы в колесе тачанки недовольства шагами Троцкого со стороны казачества оказались не все поломаны. Началась месть кровавой рубки.

Что касается августовского периода города Екатеринослава образца 1918 года, то власть там часто менялась. Из воспоминаний жителя города того времени Перепечи Ивана Ефимовича:

«Жили мы в водовороте перемен. Вот идут и едут петлюровцы – уставшие, невеселые, все как один в запыленных чоботях – сапогах, барашиковых шапках, синих свитках и пешадралом, и на хорошо откормленных и породистых лошадях. После них в городе и близлежащих селах и хуторах появились воровские фигуры мародеров в солдатских шинелях.

Это дезертиры из воинских частей. Потом с уходом петлюровцев наступало междувластие. Местные офицеры берут город под свою охрану. На постах часто можно было видеть не солдат, а офицеров. Патрулями по городу тоже ходили офицеры младших званий, естественно, при оружии – револьверах и саблях или шашках.

Через сутки после офицерской охраны городских границ пронеслась весть: на город движется туча большевиков. Красную кавалерию кто-то видел в балках на подступах к Екатеринославу. И рано утром Феодосийский офицерский полк покинул казармы и в полном вооружении с пушками на повозках двинулся по направлению Крыма.

Но утром в город ворвались не большевики, а махновцы. Они тоже основательно потрясли город. Потом все-таки явились краснознаменные большевики. Потоптались, помитинговали, постреляли, кого им надо было отправить на тот свет, и снова понеслись, как перекаати-поле, куда-то завоевывать пространство для российской революции.

Утром примчался казачий атаман Шкуро со своей волчьей сотней. Волчьей стайей называлась сотня потому, что на шапках у них красовались волчьи хвосты.

У церкви состоялось богослужение в честь их прибытия. Ораторы выступали прямо сидя на лошадях. Говорили страшилки: о кровавых казнях большевиками зажиточных людей и тех, кто косо смотрел на советскую власть.

Местная публика любила перемены: каждое войско встречали цветами, улыбками и семечками. Богата была тогда Украина. Попы жили зажиточно, «...не то, что нынешнее племя».

Единственно, что плохо было, это с одеждой. Грабили людей не из-за денег, а из-за понравившейся одежки. Из-за недостатка мануфактуры часто даже выкапывали недавно захороненных мертвецов, быстро раздевали, нередко оставляя их в непристойных позах. Евреи ставни в своих домах закрывали из-за боязни погромов, а они тут бывали часто. Казаки и не только они считали евреев моторами антирусской революции.

На следующий день пришли добровольческие части. Сутки побыли, а на следующую туманную ночь раздалось мощное «Ура!» – крики, скрип телег, и город снова взят махновцами. На этот раз они были злые, как никогда, – грабили, насиловали, убивали. Женщины и девушки прятались, кто где смогли. Убегали в далекие села и глухие хутора к родственникам и знакомым».

МАХНОВЩИНА

*Кони версты рвут наметом,
Нам свобода дорога,
Через прорезь пулемета
Я ищу в пыли врага...*

Нестор Махно

Махновщина, так называемые вооруженные повстанческие формирования, стала родимым пятном Украины. Она врезалась в память народную бандитизмом, хаосом, беспорядком и пьяным разгулом.

Та атмосфера, которая окружала губернский город в годы Гражданской войны, была одинаково характерна для сел и хуторов Екатеринославщины: большевики, бандиты, добровольцы, атаманы, дезертиры, нищие... Стрельба, воровство, грабежи, трибуналы, казни. Разбойники разных мастей гуляли по краю.

Жилось сельчанам не здорово: каждая новая власть, проходившая обозами или пролетающая эскадронами, одинаково грабила дома «голубых рабов». Так местные называли земледельцев, которые целыми днями пропадали в поле – от посевов до сбора урожаев. Поэтому запасы зерна прятались в земляных ямах. И не только хоронили хлеб, но и все то из продуктов, что могло быть экспроприировано непрошеными гостями. Особенно боялись отчаянных, развязных и пьяных махновцев-гуляйполеводов.

Отец Николая трудился на златорудном месте, как говорили завистники-соседи, – поваром в столовой, поэтому иногда баловал родных сэкономленными «излишками калорий»: то сахарку принесет, то десяток картофелин захватит, то кусочком сала одарит семью, а порой и вареными яйцами порадует.

– Эти «излишки калорий – результат усушек и утрюсок», – улыбаясь, говорил он супруге, кладя на стол деликатесы.

– Ой, смотри, а то сраму не оберешься, если прихватят тебя с этими «излишками», – корила его жена. – А то посадю, тогда без тебя нам всем гаплык.

– Глупости ты мелишь, шо я ворюга какой? Так енто излишки стола, – не пудами же ношу, а крохами в кармане.

– Все равно, будь осторожен.

– Не забывай, милая, меня часто одаривает и сам хозяин столовой, – пытался оправдаться Григорий.

– Тебе виднее... А мне страшно. Поймають – позора не оберешься.

– Не бойсь... Усе будет в норме.

– А где та норма?

– В голове! – сердился Григорий, продолжая носить то, что давали и что можно было незаметно умыкнуть. Время было нелегкое...

* * *

Часто в Котовку наведывались проездами атаманы разных отрядов, банд, сотен... Но самыми впечатляющими были визиты отрядов батьки Махно.

– Коля, принеси дровец и разожги плиту, – попросила мать.

Он тут же побежал в небольшой сарайчик, где лежали солома для растопки, валежник и поленья всегда сухих дров. Отец держал под контролем топливный вопрос. Всегда заготавливал дровишки впрок. Через полчаса плита гудела, тяга была отменная. Ведь выложил ее друг отца – печник Спиридон Макуха.

– Такого мастера в округе не сыскать, – частенько именно так рекомендовал его селянам Григорий.

Сидя у печки, Николай разомлел. Щеки сделались розовыми от жары. Он наслаждался огненными языками, стелющимися горизонтально и устремленными из-за той же тяги в горловину дымохода. И вдруг услышал залихватый свист на улице.

«Так свистеть может только Гришка», – подумал Николай и бросил просящий взгляд на мать.

– Небось, снова Гришка приглашает?

– Ага, а вы угадали!

– Трель твоего соловья уже изучила. Ну иди, иди, только трошки погуляй и домой. Сам видишь, сумасшедшие махновцы колобродят.

– Ой, спасибо, мамо.

Николай выбежал на улицу. У разлапистой яблони, увешанной желто-красными плодами, возле калитки стоял улыбающийся Гришка Проценко.

– Идем к махновцам... За десяток груш Славке дали выстрелить из винтовки. Может, за яблоки они и нам дадут пальнуть в небо. Ребята набили картузы поспевшими ароматными яблоками и помчались в сторону остановившегося обоза.

Гришка был постарше Николая на несколько лет, что в детстве всегда заметнее – идет ведь интенсивный рост. Завидев на повозке полусонного с закисшими глазами махновца с прилипшим к нижней губе замусоленным окурком самокрутки и выдавшим виды карабином, Гришка подошел к нему и предложил яблоки за выстрел.

– А ну покажи... Сладкие или кислятина?

– Сладкие, дядьку!

Махновец взял картузы с яблоками, высыпал их на сено, а потом грызнул со смачным хрустом плод.

– Фу, они у вас кислые.

– ???

– Кислятину принесли мне...

– Дадите выстрелить?

– Шо-о-о? Марш отсюда, сопляки голопятые, – и замахнулся плеткой на обескураженных ребят, которые тут же ретировались – просто убежали...

Вечером, придя с работы, отец рассказал жене о ЧП, происшедшем в столовой.

– Зашли шестеро бандюков, понимаешь, у столовку. Вонючие, замурзанные, при оружии – пистолетами и винтовками и с патронными лентами наперекрест. Поставили четверть мутного самогона на стол и как закричат хором: «Столы накрывайте, недотепы!..» Ну официантки и подсустились. Угостили всем что было. Они и начали колобродить: пили и чавкали долго, а потом с пьянки стали палить в потолок из револьверов и винтовок. Поставив одного у входных дверей, махновцы решили расслабиться плотью, понимаешь. Стали гоняться за женским персоналом. Поначалу перепортили всех наших молоденьких бабенок. В ход пошли не только молодичи, но и бабка Прасковья, а ей уже за семьдесят. Нарезвились пятеро, а потом, подождав пока «отдохнет» шестой, покинули столовую. Хорошо, что еще пулями не побили стекла в окнах, а то бы было мытарство – стекол нынче нигде в округе не достать.

– Изверги, что могу сказать, – ответила супруга. – А мне Катерина, та, что живет у магазина, рассказала: шинок яврея пограбывалы. Горилку и винцо частью выпили, частью забрали

с остальным понравившимся им барахлом. Вынесли из хаты усе, нужное им, и погрузили на подводы. А жинку его Софью згвалтували. Знасильничали паскуды вонючие.

– Вот басурманы доморощенные, чорты погани, – возмутился муж. – Вчера Ивана, хозяина мельницы, ограбили. Забежали во двор, а там дядьки из соседнего села как раз загружали муку на подводы, смололи пшеничку. Забрали усе мешки, а их за сопротивление сильно побили прикладами и шомполами. А потом зашли на мельницу и там все забрали. Вымели до зернинки в мешки.

– Когда же это все кончится?! – не то спросила, не то воскликнула от негодования жена Григория.

– Кончится тогда, когда какая-нибудь власть не наведет порядок в дэржаве. Дэржавы ж нэма. Вона у хаосе пена должна осесть, а ей надо время...

Трое суток резвились махновцы, пьянствуя, насилуя, грабя граждан. На майдане, где выстроились повозки обоза, развевался черный не то транспарант, не то хоругвь, отороченная снизу золотистой бахромой. Горизонтально по ткани был вышитый белыми мулине призыв: «Смерть всім, хто на перешкодї здобуття вільності трудовому люду!» – («Смерть всем, кто препятствует достижению свободы трудовому народу!» – *Авт.*)

Под словом «смерть» зловеще красовались белый череп и перекрестие двух костей, ввергая простолюдинов в неприятное чувство страха за свою жизнь и родичей. Старший отряда, назвавший себя Луговым, заявил собравшемуся на митинг народу:

– Мы – воины революционной повстанческой армии Украины во главе с вашим земляком и нашим вождем Нестором Ивановичем Махно воюем против хаоса в державе. Главный наш враг, как говорил наш атаман, батько и товарищ, дорогие селяне, – добровольцы Деникина. Они хотят вернуть царя-изверга. Не допустим кровопийца и его ставленников на местах – помещиков. Надоели эти бары. Большевики – все же революционеры. С ними мы можем рассчитаться потом. Сейчас все силы надо направить против военного помещика Деникина. Он не должен получить от вас «ни зернынки, ни картоплинки». (Это означало по-русски «ни зернышка, ни картошины». – *Авт.*) Замеченные в помощи золотопогонникам селяне будут безжалостно нами уничтожаться как враги трудового народа. Мы у вас не забираем, а просим на существование армии, которая воюет за свободу трудового народа. Потом все отдадим с лихвой...

Он еще долго говорил что-то о патриотизме, о выпущенных повстанцами деньгах-купонах, на которых были изображены атаман, серп и молот. По этому поводу ходила шуточная частушка:

Гей, кумэ, нэ журысь!
В Махна гроши завэлысь,
А хто их не братэмэ,
Того Махно дратымэ...

Этими деньгами часто расплачивались повстанцы с населением. Много было поддельных купонов, даже рисованных цветными карандашами. Тех, кто сомневался в их подлинности, угрожали забрать или «спалить хату». Но, по другим данным, их атаман не выпускал – это был плод все той анархистской самодетельности, которая гуляла в крае. Клепали, штамповали и рисовали их художники-мастера в сельских хатах-штабах в разных подразделениях сельской армии.

На третьи сутки утром отряд махновцев двинулся на Екатеринослав...

* * *

Коля Кравченко школу-семилетку закончил в родном селе в 1928 году. Получить сельскому парню семилетнее образование по тем временам было большим достижением. В конце двадцатых и начале тридцатых годов в основном из сел уходили селяне в города с образованием начальной школы. С четырехлетками воевали командирами, даже становились полководцами и трудились инженерами наши отцы и деды. С четырехлетним образованием практически шли на партийную работу, а потом и в вожди. Опыт набавывался, и навыки со временем набивались природной смекалкой и трудолюбием.

Это был период сплошной коллективизации, раскулачивания и борьбы за утверждение нового порядка в землепользовании, когда насилие власти попытались регулировать и применять только до известного предела. Но допущенное насилие – оно всегда переходит границы. Попытки его контролировать усилиями разума, декретами власти ни к чему не приводили и до сих пор не приводят.

Великий мыслитель земли Русской Л.Н. Толстой по этому поводу говорил, что «как только дело решается насилием, насилие не может прекратиться...»

При решении дела насилием победа всегда остается не за лучшими людьми, а за более эгоистичными, хитрыми, бессовестными и жестокими, потому что хорошие люди слабее плохих. Как говорится, Бог всемогущ, но и черти не лыком шиты. Дьявол в аду – положительный образ!

Изворотливые «специалисты» сельской нивы сделали все для того, чтобы превратить в дальнейшем крестьянина в беспаспортного раба с вознаграждением за полевую каторгу символическим трудоднем. Насилие над деревней влилось ядом в души крестьян, а для тех, кто его готовил, оно казалось правом, потому что повторялось потом из месяца в месяц и из года в год. Где тщетна мягкость, там насилие законно. Сельский народ в основном молчал. А если и возникали вспышки гнева, они тут же глушились силой. Для власти каждый перечеркнутый минус – это плюс...

Шел во многом знаковый по исторической литературе 1929 год. Это был год, когда сталинский курс на индустриализацию и коллективизацию обрел форму чрезвычайной мобилизации по стране. Поводом для этого послужил знаменитый «черный четверг», случившийся на Нью-Йоркской фондовой бирже. Он ознаменовался началом катастрофического экономического кризиса во всем капиталистическом мире. Страны Запада, стянутые долларovým обручем в системе рыночной экономики, попали в глубокую депрессию. Началось неудержимое падение производства, зарплаты, доходов, занятости, уровня жизни, то, что сегодня называют рецессией.

Что-то подобное мы наблюдали в России в 1998 году и опять сегодня все в той же нами любимой Родине. Но и на Западе не стало легче, раньше «буржуины» жили роскошнее. Но на экономическую обстановку в СССР образца тридцатых годов «черный четверг» никак не повлиял. Наша страна успешно развивалась.

Почему? Дело в том, что мы были изолированы от мировой экономики, и защита внутреннего рынка государственной монополией на внешнюю торговлю в сочетании с переходом к планированию служили своеобразным эскарпом против опасной машины экономического кризиса, гроза которого прошла стороной.

Больше того, социалистическая индустриализация набирала темпы, но ценой ломки устоев деревни. Яростный штурм первой пятилетки сочетался с началом коллективизации сельского хозяйства. В этом мареве хаоса и насилия оказалось крестьянство. Но, как говорится, борясь с адом, святые сатанеют.

Да, после революции крестьяне получили землю, и все же, несмотря на курс, взятый на культурную революцию в селе – строительство школ, клубов, библиотек, изб-читален и прочее, – жили они в нищете, забитости и бескультурии.

В южных районах Украины в тот период главными строительными материалами были ракушечник, глина и лоза. Хаты-мазанки с «доливками» – глинобитными земляными полами – были не редкостью. Печи и плиты топились всем, что могло гореть, даже кизяками. Эти высушенные на солнцепеке лепешки спасали крестьян, живших в степных безлесных районах.

* * *

На селе начинался процесс вербовки рабочей силы. Урбанизация открыто заявляла о себе. Это была черная дыра – воронка, которая засасывала молодые, крепкие силы станиц, сел, деревень и хуторов. Но и без уговоров молодежь уходила из сельской местности на стройки заводов и фабрик в города. Приходили крестьяне на производства целыми деревнями во главе со своими «старшинами» и даже собственным инвентарем.

Отец Николая, несмотря на особенность профессии, интересовался «жизнью людскою», читал газеты, слушал радио и соображал, что грядет новое во многих ипостасях время, разительно не похожее на прежнюю жизнь. Но сельский быт кардинально не менялся ни в его семье, ни у станичников.

– Мыкола, как только ты закончишь семилетку, учись дальше, добудь какую-нибудь профессию. Десятилетка тебе тоже не нужна – мотаться в город. И в селе парубку делать нечего. Тут будет со временем очень тяжело. Земли у нас лишней нет. За нее еще предстоят большие бои. Налогами крестьянина задавят. Огород только на прокорм. Вообще останутся доживать тут одни старики, молодежь не захочет жить в этих скотских условиях, – грамотно, с перспективой на будущее философствовал отец.

– Батка, да я сам вижу, куда жизнь потекла. Хотя директор школы нам и рисовал красивое будущее колхоза, многие выпускники с ним не согласны. А учительница по истории прямо сказала, что загонят селянина, как скотину в стойло, – среагировал сын.

– Вот-вот, а в стойле скотина стоит, как правило, привязанная. Привяжут колхозами и селянина – налыгачи найдутся...

– Поеду, наверное, поступать в техникум.

– В какой?

– В землеустроительный, в Днепропетровск. Там же наши хлопцы есть, уже двое учатся. Хвалят профессию!

– Ну что же, нормальная специальность – хоть с землей, но не пыльной.

– Я тоже так думаю...

На семейном совете так и решили отец и сын.

А в селе Котовка появление колхоза вызвало конфликты, неразбериху, отстаивание права на свою собственность. Никто не хотел отдавать в колхоз земельные нарезки, скотину и инвентарь. Селяне к данному вопросу подходили со своей мелкобуржуазной меркой, особенно это касалось отдачи зерна в чужие руки. Трехлетняя битва в ходе хлебозаготовок обнажила проблемы не с кулаком, а с середняком-«подкулачником». Более того, против коллективизации выступили духовные отцы: православные и даже мусульмане.

Однажды Николай был свидетелем, как к соседу Никанору пришли державные люди и стали громко ругаться с хозяином двора.

– Не отдам, – кричал Никанор. – Ни за что не отдам свою лошадку. Она моя выручалочка-кормилица. На ней и дровишки вожу, и сенцо для коровки. Без нее я погибну и погублю всю семью. Что вы, ироды, делаете?

– Мы протокол составим! – кричал весь раскрасневшийся от волнения милиционер.

– Составляйте, а коня вам не отдам, хоть стреляйте, – ярился Никанор.

А когда потребовали вывести из сарая и корову, сосед забежал в сарай и мигом выскочил с острозаточенными и поблескивающими на солнце вилами.

– Заколю, попробуйте только троньте Зорьку.

Потоптались чиновники по двору со шупами – искали закопанное «в припрят» зерно – и покинули его пораженцами, понимая, что неистовство коллективизации все равно сломает Никанора и ему подобных не сегодня, так завтра непременно. Когда комиссия покидала двор, Никанор им вслед закричал:

– В колхоз вступлю, но с пустыми руками!

Прошло почти полгода, и власти стали отмечать массовый забой скота. В августе-сентябре он приобрел немыслимый размах. Селяне резали коров, свиней, телят и даже лошадей. За неделю Никанор заколол двух поросят и обратился к Григорию Кравченко с просьбой «забрать жизнь у Тумана» – любимого жеребчика.

– Гриша, сам не смогу я это действие совершить. Ты с Мы-колой уж подсоби, а я потом подключусь. Ты завтра не выходной?

– Свободным я буду только послезавтра, – ответил Григорий.

– Скорей бы закончить задуманное, иначе ведь заберут до табуна, – размышлял Никанор.

Коня все-таки силой забрали в колхоз, а вот корову он успел зарезать. Николай видел, как выводили на убой Зорьку. Прослезился совсем не малость – он рыдал по-бабьи глубоко, голося и причитая.

Виновато взглянув на кормилицу, он обратил почему-то внимание на потухшие, безразличные синие, как сливы, глаза коровы...

«Наверное, она чувствовала свой неизбежный конец», – подумал Никанор и снова зарыдал...

* * *

Днепропетровск образца 1928 года встретил сельского подростка непривычным ему гомоном, грохотом трамваев, свистками паровозов и дымами заводских труб. В одной из газет он прочитал, что в городе насчитывается более ста шестидесяти трамваев и продолжается активное строительство трамвайных путей. Нашел и информацию о том, что к концу года городская электрическая чугунка перевезла почти тридцати восемь миллионов пассажиров...

Все это впечатляло и удивляло Николая.

Вступительные экзамены в землеустроительный техникум он сдал успешно. О том, что его зачислили, узнал из приколотого кнопками списка на доске объявлений. После этого дали бесплатное общежитие. Учеба оказалась нетрудной – спасали цепкая память и усидчивость. Но особого желания трудиться по этой специальности не возникало. Отучившись два курса, он в качестве землеустроительного практиканта попадает в окружное земельное отделение поселка Соленое, находившегося в каких-то трех десятках верст от Днепропетровска.

Практиковался с января 1929 по сентябрь 1930 года. Много помогал и в домашнем хозяйстве на огороде, и при заготовке дров, когда приезжал на побывку домой. Готовился к службе в армии, проявив перед одногодками инициативу- «подкачаться». Набирался силенок на сооруженном во дворе из старого лома турнике и поднятием тяжестей. Для крепости духа, как где-то он прочитал, нужна крепость тела. С этой целью с мая по октябрь 1931 года трудился грузчиком на заводе имени Ворошилова в Днепропетровске.

Физическую закалку для службы в армии получил достойную. Заводской мастер цеха дядя Федя, прознавший, что Николай устроился на завод, чтобы набраться силенок, как-то заметил:

– Коля, я скажу тебе, ты молодец, физические упражнения могут заменить множество лекарств, но, увы, ни одно лекарство в мире не может заменить физические упражнения. Движение – кладовая жизни, это сама жизнь. Работающие мышцы удлиняют жизнь. Помни это всегда.

Военная служба в те годы была почетной обязанностью. Авторитет служивого оставался высок. Девчата «белобилетчиков» обходили стороной, считая их ущербными, слабаками, паиньками, болявыми, не способными воспроизвести здоровое, крепкое потомство. «А где и на какие средства потом лечить больных детей?» – наверное, так рассуждали будущие матери.

«А чего там, – мыслил Коля Кравченко, поступая на завод, – и денежки будут, и силенок приобрету. Они сгодятся в армии».

Один из соседей, казак Дмитрий Панченко, участник Первой мировой войны, рубака эскадронный, знавшей Николая с детства, как-то заметил:

– Смотрю на тебя, Коля, вон какой вымахал. Иди в армию и попросись в конницу, она еще себя не исчерпала. Кони – это быстрота, маневры, внезапность. Ты же казацкого рода. Думаю, обязательно попадешь в кавалерию. От солдата требуются прежде всего выносливость и терпение, храбрость – дело второе. Она приходит в момент совершения главного ратного действия – подвига.

– И мне хочется туда. К лошадям с детства привык. Наездился и с подводой, и верхом. Мозоли добрые набил на ж...

– Ну так тебе же и карты в руки.

Как в воду глядел старый вояка...

ЧЕРВОНОЕ КАЗАЧЕСТВО

*Слава богу, что мы казаки.
Вот молитва казачья святая,
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края до края.*

Ксения Курбанова

Как потомственный казак, Николай действительно попал служить в казачьи войска в город Харьков – второй по численности город Украины, столицу до 24 июня 1934 года УССР.

Как известно из послужного списка, Николай Григорьевич Кравченко служил рядовым 1 – го кавалерийского полка 1 – й кавалерийской дивизии красного Червоного казачества Киевского военного округа с октября 1931 по октябрь 1933 года.

Он стал прекрасным кавалеристом, потому что еще дома, как говорилось выше, слыл удалым наездником. Не раз Николай, как опытный всадник, удивлял котовских девчат, проносясь лихим галопом по пыльным улочкам родного села, поэтому все упражнения джигитовки сдавал только на одну оценку – отлично.

Одно время был и запевалой в подразделении. Часто приходилось обращаться к словам «Марша Буденного». Любили армейцы эту песню, особенно когда она исполнялась в конном строю, проходя иноходью с развернутым знаменем и шашками наголо мимо трибун или на плацу при тренировках:

*Мы – красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо,
Мы смело в бой идем...*

Николай Кравченко очень любил этот род войск.

Вообще говоря, о казачестве, о системе их боевой подготовки есть смысл обратиться к словам Наполеона Бонапарта. В своих воспоминаниях о войне 1812 года он писал:

«Казаки имели свою собственную систему подготовки и тренировки боевых коней, но еще одним секретом их сокрушительных атак было джигитовка. Надо отдать справедливость казакам, это они доставили успех России в этой компании.

Казаки – это самые лучшие легкие войска среди всех существующих. Если бы я имел их в своей армии, я прошел бы с ними весь мир».

Несколько слов хочется сказать о самом термине «червоное казачество».

Червоное казачество! Это общевойсковое соединение было создано для защиты советской Украинской Народной Республики со столицей в Харькове в противовес Украинской Народной Республике с ее главным городом Киевом и частями так называемого Вольного казачества. В то же время Червоное казачество являлось одним из воинских формирований в составе Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Формирование полков Червоного казачества по своей сути стало началом образования регулярной РККА не только на Украине, но и на территориях бывшего СССР. Надо отметить, что указ о создании Червоного казачества был подписан 10 января 1918 года, то есть раньше официальной, многими либералами считающими надуманной, даты рождения Красной армии – 23 февраля 1918 года.

Действительно, в документах Министерства обороны России подтверждено, что в районе деревень Большое и Малое Лопатино под Псковом около одной тысячи бойцов 2-го красноармейского полка под командованием А.И. Черепанова 23 февраля 1918 года вступили в бой с передовым отрядом, состоящим из четырех немецких дивизий, наступавших на Петроград. По воспоминаниям комполка, немцев остановили у этих деревень, «потрепав здорово».

Вот почему 23 февраля – день наиболее напряженных боев на Петроградском направлении, день массового вступления в Красную армию рабочих и крестьян и мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагам революции и Советской России – стал считаться днем рождения РККА.

* * *

В частях и подразделениях Червоного казачества в отличие от красновардейских отрядов, содержавшихся за счет предприятий, средства на обустройство «червонных» казаков выделяли партийные организации, а потом и Совет народных комиссаров – советское правительство. Командиров среди Червоного казачества не выбирали, их назначали сверху, как сегодня губернаторов.

Формирование этого соединения (дивизии) осуществлялось мобилизационным отделом Народного секретариата по военным делам республики. Комиссаром по организации и сколачиванию полков Червоного казачества партийное руководство Советской России назначило Виталия Марковича Примакова.

Родился и вырос он на Черниговщине в еврейской семье учителя. Рано примкнул к революционному движению. Так, будучи гимназистом, в 1915 году за распространение листовок и хранение огнестрельного оружия был осужден на пожизненное поселение в Восточной Сибири. Освободила его из заточения Февральская революция.

1-й полк Червоного казачества был создан в Харькове еще 28 декабря 1917 года под командованием В.М. Примакова, или, как его кратко и ласково называли, Маркович.

Кто же попадал служить в полк? Прежде всего основу его составляли украинские крестьяне, преимущественно казацкого происхождения, с территорий Левобережной – и Восточной Украины. Но в тридцатых годах Сталин и правительство Советского Союза поняло, что при троцкистской политике геноцида казачества оно лишилось здоровой части населения. И сразу же включило политический реверс – стало приглашать на Дон, Кубань и Терек советских граждан, награждая их «званием казака».

В результате чего в строю «красного казачества» уже не стало той монолитности, которая существовала раньше из местных призывников. Постепенно культивировался, а потом и прижился сплошной «интернационализм». По воспоминаниям одного из сотрудников штаба Войска Донского Николая Быкова, изложенных в его книге «Казачья трагедия», говорилось:

«Из этих народившихся «казаков» и стали формироваться воинские части. Но что это были за части, можете себе представить. Идет по улице военным строем такая вновь сформированная казачья воинская часть, но вы видите там все национальности: монголов, татар, армян, грузин, евреев и т. п., собранных со всех губерний и областей; казаков же, настоящих, там почти не видно...»

Немного истории.

1-й полк Червоного казачества выступил из Харькова 4 января 1918 года вместе с отрядами Красной армии и Красной гвардии на борьбу против Центральной рады. Советские войска действовали успешно и уже 6 января захватили Полтаву, а 26-го пал Киев. Власть разбежалась, как тараканы при внезапном освещении.

В 1919 году кавалерийская дивизия Червоного казачества под командованием Примакова на протяжении месяца защищала Чернигов от нападавших белогвардейцев – Добровольческой армии генерала Деникина.

В 1920 году он уже – командир 1-го корпуса Червоного казачества. За бои под Орлом и Курском, а также за успехи в Советско-польской войне он был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени.

В 1923 году Примаков закатывает Высшие военно-академические курсы, а в 1925 году – Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде. Некоторое время командует корпусом Червоного казачества, затем возвращается в Ленинград на должность начальника Высшей кавалерийской школы.

В 1925–1926 годах Примаков находился по линии военной разведки в долгосрочной командировке в Китае. В 1927–1930 годах проходит военную службу в качестве военного атташе в Афганистане и Японии. В 1931 году командовал стрелковым корпусом на Урале.

* * *

«Нужно сказать, кавалеристы – примаковцы, котовцы и буденовцы – были патриотами своих корпусов в те далекие времена. Этот патриотизм доходил до антагонизма», – вспоминал генерал А.В. Горбатов.

Известно, что К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный нетерпимо относились ко многим выдающимся кавалерийским вожакам и вообще недооценивали роль героических соединений советской конницы, которые не входили в состав Первой конной армии. Отношения между конармейцами и Примаковыми вообще считались наиболее напряженными.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года К.Е. Ворошилов иронизировал: «Он, Примаков, видел в нас конкурентов: он кавалерист, мы с Буденным тоже кавалеристы. И он, думая, что его слава затмевалась Буденным, ему не давали ходу вследствие того, что Буденный с его единомышленниками из Первой Конной армии заняли все видные посты в кавалерийском строю, он вследствие этого был недоволен и фрондировал».

Но это случится несколько позже, а пока его вместе с группой видных военачальников, куда входили товарищи Дыбенко, Дубовой, Уборевич, Якир, посылают в Германию повышать образование в Военной академии генерального штаба. Вернувшись из Германии, он получил должность помощника командующего Северо-Кавказским военным округом.

С 1935 года – заместитель командующего Ленинградским военным округом. В это время в стране начались аресты видных военачальников. В июле 1936 года люди в васильковокрасных фуражках пришли и за ним.

Ему предъявили обвинение – участие в военном заговоре. Он не только признался в содеянном, но после девяти месяцев содержания в следственном изоляторе дал показания, по которым позже были арестованы многие командиры и комиссары, в частности, А.И. Геккер, Б.С. Горбачев, И.С. Кутяков и другие.

М.Н. Тухачевский, как руководитель готовящегося покушения против Сталина, тоже признался, что активная роль в заговоре отводилась комкору В.М. Примакову.

Суд над заговорщиками состоялся спустя год. 11 июня 1937 года В.М. Примаков был расстрелян по решению специального Судебного присутствия Верховного суда СССР. Реабилитирован при правлении Хрущева в 1957 году.

Такова судьба одного из полководцев Червоного казачества.

* * *

Во время службы в Особом отделе КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу во Львове автору приходилось периодически бывать в городе Бугске, решая оперативные вопросы. В этом небольшом населенном пункте районного масштаба находились окружные склады медицинского имущества. Автора удивило то обстоятельство, что здесь, в конце 60-х годов прошлого века, проживало очень много местечковых евреев, и большинство из них, конечно, с их подачи, служили в полках Червоного казачества и в частях особого назначения (ЧОНах).

Один из знакомых по имени Константин умудрился в революцию поменять имя, отчество и фамилию и таким образом стал русским – Константином Яковлевичем Гориным. Хотя он перед автором не скрывал свою истинную национальность – ее было трудно скрыть.

Помню, я спросил его:

– Зачем был для вас этот маскарад, вы же тогда победили в революцию, положили на лопатки царский режим?

– Молодой человек, – ответил он, – вы же знаете, как гноило нас царское правительство через всевозможные цензы оседлости, запреты на профессии, ограничения. Вот люди и выкручивались, делались православными выкрестами, брали псевдонимы, меняли не только фамилии, но имена и отчества.

– И все же это непатриотично, – не унимался автор. – Почему надо стыдиться своей национальности?

– Такие шаги гарантировали право на нормальную жизнь в новом обществе...

Судя по количеству наград, видно было, что Константин дрался за советскую власть смело и умело. Вообще был порядочным человеком – помогал чем мог своим сослуживцам – больным, немощным и бедным. Деду Косте, каким автору – молодому лейтенанту он тогда казался, было далеко за шестьдесят. Он подолгу рассказывал о лихих кавалерийских атаках под Полтавой и Киевом. Не гнушался «стравить» и анекдот о своих соплеменниках.

– Не побьют свои? – помню, спросил я его, услышав из уст еврея порой скабрзные и явно антисемитские байки.

– А мы такие, что не боимся анекдотов. Юмор в любой форме придает сил. Только его надо понимать и принимать без обид. В анекдоте – сама жизнь, а от нее никуда не денешься, пока живешь на белом свете. Как говорил Карел Чапек, анекдоты размножаются почкованием. А вообще анекдот – это комедия, спрессованная в секунды.

– Боевой путь у вас в казачьем войске большой. Оставили мемуары, очерки, воспоминания, книги?

– Нет, некогда было, да и писать не очень любил и не люблю, – откровенно признался кавалерийский рубака. – Я по этому поводу отвечаю на такой вопрос старым сталинским анекдотом.

– Каким?

– Вот послушай: «Встретились Богдан Хмельницкий и Иосиф Сталин. Знаменитый гетман и говорит советскому лидеру:

– Мои казаки, Иосиф, все были чубатые, а твои – носатые!»

В частях Червоного казачества были и родовые «чубатые» казаки, пропитанные социалистическими идеями с желанием устроить и раздуть «мировой пожар на зло буржуйам», т. е. планетарную революцию. Были и другие заблудшие. Однако руководящие должности занимали активные интернационалисты. Вот почему не на пустом месте рождались подобные анекдоты.

Основой формирования Червонного казачества стали Богунский и Таращанский красные полки, до этого служившие Украинской Директории. Начальником штаба у «казаков» был Туровский. Политотдел возглавлял Минц, будущий академик-историк. Оперативной частью руководил Шильман, комиссаром 2-й дивизии являлся Гринберг. Редактором дивизионной газеты был Дэвидсон и т. д.

Как писал А. Азаренков, «сильно сомневаюсь, что все эти людишки по происхождению или по духу имели хоть что-то общее с казаками!..»

К концу Гражданской войны две дивизии Червонного казачества – Запорожская и Черниговская составили корпус под командованием все того же В.М. Примакова.

– Знаешь, мил человек, – сказал герой Гражданской войны, – мы не обижались, когда подсмеивались друг над другом в анекдотах: кацап – над хохлом, хохол – над евреем, а еврей – над кацапом... Не обижались мы и на слово «жид», потому что такие были среди наших, отличавшиеся жадностью, трусостью и неприятием революции. Как правило, это были шинкари... Все были едины и заняты борьбой с врагами социалистического Отечества.

И наверное, правильно, ксенофобия порождается там и тогда, где и когда нет мощной национально-державной идеи, а оттого и появляется в обществе национальная разбалансировка.

Юмор – это лечебная правда в безопасных для жизни дозах. Он, как плющ, вьется вокруг дерева. Без ствола он никуда не годен. Ствол – это коллектив, общество, страна, держава.

Как говорил английский романист Гилберт Честертон, «человек, который хотя бы отчасти не юморист, лишь отчасти человек».

Таким автору запомнился рубака Червоного казачества Константин Яковлевич Горин – борец за советскую власть на Украине.

КРОВАВЫЙ ГОД

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Анна Ахматова

Николаю Кравченко тоже довелось быть «к несчастью» в несчастье со своим народом. Это случилось в смертельно опасном тридцать седьмом.

Именно после раскрытия военного заговора Сталин дал зеленый свет Ежову. Ежовщина породила кровавый тридцать седьмой, затащивший в водоворот событий жертвы, а в дальнейшем и самих палачей, ставших жертвами. Этот год со временем аукнется многим чекистам, в том числе и невиновным в репрессиях, как их понимает современник.

Пепел крематория и кровь расстрелянных «врагов народа» и оных без кавычек до сих пор будоражат души и тревожат сердца наших сограждан. В раструб кровавой мясорубки, правда уже без ножей, почти через двадцать лет, попал и молодой тогда сотрудник госбезопасности Николай Кравченко.

После окончания службы, как на достаточно образованного по тем временам, дисциплинированного, политически подготовленного и физически здорового молодого человека, обратил внимание сотрудник контрразведки и предложил стать чекистом.

Как мог юноша, покинувший пределы армейской казармы, отказаться от романтической профессии чекиста, о которой в тридцатые (а разве только в тридцатые?) слагались саги и пелись песни.

Но были и другие оценки происходящих событий, высказываемые в основном на кухнях среди своих близких и знакомых:

*Позабыв все ужасы царизма,
Мы «доплыли» до социализма,
Это было, братцы, на беду
В девятьсот тридцать седьмом году...*

Но большинство народа, особенно молодежь, практически не замечала того, что со временем назовут репрессиями или «историей одного кошмара». Есть смысл тем, кто заинтересовался этой темой, прочесть книгу Александра Елисеева «1937. Вся правда о «сталинских репрессиях». В ней очень много того, за что бы с автором Никита Хрущев расплевался, так как сам участвовал, и причем активно, в процессе той самой ежовщины.

После специальности летчика профессия чекиста стояла второй в списке самых престижных и модных. Таково было время, а его, это самое время, люди не выбирают как для своего появления, так и для дальнейшей жизни.

Кравченко дал согласие и после краткосрочных курсов был принят помощником оперуполномоченного спецотдела – секретно-политического отдела (СПО) Краснокутского райотдела ОГПУ Харьковской области. Здесь же он обрел и первую самостоятельную должность – оперуполномоченного все того же отдела, но теперь уже НКВД.

Первая же чекистская несамостоятельная должность помощника оперуполномоченного спецотдела, или просто стажера, оставит впоследствии глубокую зарубку на судьбе оператив-

ника и станет основанием для придирок, а скорее поводом для отмщения Никитой Хрущевым за спасение не столько «Большой тройки» в 1943 году в Тегеране, сколько самого Сталина, которого он как льстец и лицемер, которых немало оседало и оседает во властных структурах, любящих властвовать над людьми, чуть не обожествлял, однако, как законченный властолюбец, страстно желал его падения.

Как же и чем «зацепили» кремлевские партийцы в будущем фронтовика генерал-майора Николая Григорьевича Кравченко?

Это были материалы о реальной деятельности разветвленной шпионской и диверсионной сети 2-го Отдела генштаба польской армии – «Польской организации войсковой» (ПОВ), преступно действовавшей на территориях Московской, Ленинградской, Харьковской и других областей СССР. Главными структурными звеньями этой организации были польские резидентуры.

Об этой организации пойдет разговор ниже.

За период довоенной службы его высшими руководителями – небожителями на чекистском небосклоне были Менжинский, Ягода, Ежов и Берия, каждый из них оставил свой заметный след, в том числе и кровавый, в истории страны. Если к первому особых вопросов у населения и Кремля не было и он ушел из жизни естественно, после тяжелой болезни, то к последним трем партийно-чекистским вождям применялись крутые меры, как тогда говорилось, акции социальной защиты: их устранили от общества путем физической расправы.

Каждый из троицы измазал свои руки кровью невинных жертв в ходе политических репрессий. Но больше всех постарался угодить Кремлю суетливый карлик с начальным образованием, «железный нарком» НКВД СССР Николай Иванович Ежов, назначенный на эту должность из партийных рядов для корчевки «ягодинцев», которым не доверял теперь вождь за его связи с троцкистами и заговорщиками.

Наверное, Николай читал хвалебную оду Джамбула Джабаева, народного поэта Казахстана, посвященную «железному наркому» и своему тезке. Она так и называлась «Баллада о наркOME Ежове».

Вот ее начало:

*«В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный норком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.
Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов...»*

К великому сожалению, он услышал «пламенный зов» для пролития не своей, а чужой крови. Она разлакомила вампира. Нарком внутренних дел уже кровью одного дня и одного человека не мог насытиться. Он постепенно становился упырем.

Массовые репрессии периода ежовщины осуществлялись руководством страны на основании «спущенных на места» лубянским наркомом цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию так называемых врагов народа.

Согласно оперативному приказу от 30 июля 1937 года № 00447, цифры на утверждение представлялись местными органами имевшейся у них информации об опасности тех или иных лиц. В том числе особо выделялись уголовники. Приказ № 00447 был следствием резолюции Сталина от 2 июля 1937 года «Об антисоветских элементах».

В ходе ежовщины к арестованным нередко применялись пытки. Не подлежавшие обжалованию приговоры к расстрелу часто выносились без судебного разбирательства и немедленно приводились в исполнение.

Основными предпосылками ежовщины как родоначальницы «Большого террора» было:

- поголовное огосударствление большевиками всех сторон общественной жизни;
- «Ленинский призыв» 1924 года, открывший шлюзы прохождению в партию расчетливых карьеристов;

- убийство 1 декабря 1934 года Леонидом Николаевым выстрелом в затылок Сергея Мироновича Кирова (Кострикова). Большинство современных исследователей считают, что убийца руководствовался личными мотивами – обидой или ревностью. Версия о ревности опирается на свидетельские показания о любовной связи Кирова с Матильдой Драуле, женой Леонида Николаева.

Уже спустя несколько часов после убийства С.М. Кирова официально было заявлено, что он стал жертвой заговорщиков – врагов СССР, а Президиум ЦИК СССР в тот же день принял постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик».

В нем, в частности, говорилось, что:

«Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам – не задерживать исполнение приговоров...»

Последовавшие затем массовые репрессии против партийных, хозяйственных и военных руководителей СССР получили название – ежовщина.

Однако многие считают, что парадигмой «Большой чистки» 1937–1938 годов явилась разработанная Сталиным доктрина «усиления классовой борьбы по мере завершения строительства социализма».

Это был тот фон, на котором воспитывался начинающийся чекист, а в будущем военный контрразведчик с интересной, а скорее «качельной» судьбой со взлетами и падениями. Он достойно зарекомендовал себя на зримом незримом фронтах Великой Отечественной войны.

Каждая смена руководителей на Лубянке обязывала чекистские низы пересматривать отношение к недавней прошлой своей деятельности и деятельности своих руководителей, нередко ошеломленных веянием той самой ежовщины, а потом со временем и хрущевщины.

Но вот что интересно – ЧК действовала по указке партийных органов, руководители которых оставались в тени, вне подозрений, хотя генераторами антинародных акций, в том числе и репрессий, являлись именно они.

* * *

Как положительно зарекомендовавшего себя сотрудника госбезопасности, Николая Григорьевича Кравченко кадровые органы в октябре 1936 года направляют слушателем спецкурсов НКВД УССР, открывшихся в Харькове. Здесь молодой оперативник постигает азы научно-профессионального подхода при осуществлении контрразведывательной деятельности на разных направлениях чекистской практики.

В мае 1938 года он успешно завершает учебу и назначается начальником отделения 4-го отдела Управления государственной безопасности УНКВД по Харьковской области, а в июне того же года с головой окунается в работу органов военной контрразведки.

Его назначают сначала оперуполномоченным, а потом помощником начальника 9-го отделения, начальником отделения Особого отдела Харьковского военного округа. Эти три должности он проходит практически за один год – с июня 1938 года по июль 1939 года. В то время многие будущие крупные руководители военной контрразведки фронтов проходили «сквозняком» эти должности.

В конце июля тридцать девятого он был вызван кадровиками Особого отдела Харьковского военного округа, где ему предложили должность начальника Особого отдела НКВД

Одесского гарнизона. На этой должности он проработал лето и осень. А в ноябре его назначают начальником 1-го отделения, а вскоре избирают секретарем партбюро Особого отдела НКВД Одесского военного округа, где он прослужил до начала войны.

Одесса ему очень нравилась умеренно континентальным климатом, с мягкой зимой и теплым, иногда знойным летом, чем-то напоминающим малую родину. Он восхищался красотой культурных объектов, любил отдохнуть с коллегами на песчаной «Лузановке» или пройти по Приморскому бульвару. Но такие минуты редко дарил судьба военному контрразведчику.

Все дни его были заполнены беспокойной службой. Он ею жил, как и многие его коллеги в Особом отделе округа. Его воинские части находились в южноевропейском подбрюшьи страны и граничили с Румынией. Эта соседка была воинственно настроена к Советской России и стала вскоре сателлитом фашистской Германии. Неизбежность войны здесь ощущалась объемнее, зримее, ярче, и деятельность румынской разведки чувствовалась явственнее, чем в глубинке СССР.

Новый 1941 год сотрудники отдела встречали все вместе, так здесь было принято. Традиции соблюдались и чтились. Коллективизм давал знать о себе. С крутящихся пластинок патефона слетали песенные и танцевальные мелодии. Отдыхающие кружились в вальсах. Аккордеонисту тоже не давали долго перекуривать, загружали по полной. В часы таких празднеств не хотелось думать о войне, но она не отпускала от себя надолго. У Николая, высокого, статного брюнета-холостяка, не было отбоя от женского пола. И он приглашал их на очередной танец, но чаще дамы его выводили в круг танцплощадки...

* * *

В апреле сорок первого руководство Особого отдела округа довело до оперативного состава информацию о том, что в Красной армии начались реформы. Кроме того, на чекистских занятиях выступали представители штаба округа, которые информировали, что в подчиненных им стрелковых войсках вводится штат военного времени. Стрелковая дивизия включала теперь три стрелковых и два артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы, саперный батальон и батальон связи, тыловые части и учреждения.

По штатам военного времени дивизии надлежало иметь около четырнадцати с половиной тысяч человек, 78 полевых орудий, 54 противотанковые 45-мм пушки, 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82-120 мм, 16 легких танков, 13 бронемашин, более трех тысяч лошадей. Доводилась аналогичная информация по бронетанковым войскам, артиллерии, войскам связи, инженерным войскам, ВВС, войскам ПВО, ВМФ.

Информация о приготовлениях Гитлера к нападению на СССР заставляла торопиться, но для реализации всего задуманного плана реформирования РККА не хватало и не хватило времени.

22 июня 1941 года по радио объявили о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Речь В.М. Молотова Николай Кравченко слушал по радио с вниманием и глубоким пониманием. В тот же день на территории Одесского военного округа была объявлена мобилизация. Сначала призывали только мужчин 1905–1918 годов рождения. Но очереди из добровольцев всех возрастов, готовых отправиться на фронт, возле военкоматов росли с каждым днем. Через три дня в Одессе было объявлено военное положение.

Первая серьезная бомбардировка города произошла ровно через месяц после начала войны. Это случилось во вторник 22 июля.

По рассказу очевидца этих трагических событий Михаила Семеновича Мильмана, первая бомба, сброшенная с самолета, взорвалась утром, разрушив старое здание. Все посчитали, что немец хотел только попугать одесситов, поэтому вечером многие горожане вышли про-

гуляться вдоль Приморского бульвара. Гуляющих было много, очень много! И вдруг, когда стемнело, тишину, пусть даже тревожную, взорвали громкоговорители словами и оглушительными сиренами, переворачивающими все внутри, предупреждая и повторяя одновременно: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!..»

Сначала фашисты подожгли город зажигательными бомбами. Одесса запылала в огне. Было так светло, что, как поется в украинской песне, «...хоть голки збирай». («Хоть иголки собирай». -*Авт.*) А потом посыпались фугасные, практически в одночасье разрушившие центр города.

По всей вероятности, Николай Кравченко был тоже свидетелем этой коварной бомбежки и участвовал вместе с воинами местного гарнизона в мероприятиях по организации обороны города.

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

*Той ночью птицы еле начинали
Сквозь дрему трогать флейты и смычки,
Не ведая, что клювы хищной стаи
Идут, уже совсем недалеко...*

Николай Браун

В конце июля сорок первого руководителя кадрового аппарата 3-го Управления НКО СССР Николая Григорьевича Кравченко отзывают в Москву. В должности начальника управления в тот период был комиссар 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев, которого вскоре заменил Виктор Семенович Абакумов.

А.Н. Михеева назначили по его просьбе руководителем военной контрразведки Юго-Западного фронта. Он героически погибнет в открытом бою с гитлеровцами 21 сентября 1941 года при отступлении штаба и управления фронта недалеко от урочища Шумейково между селами Жданы и хутором Дрюковщина Лохвицкого района Полтавской области. Автор написал о комиссаре госбезопасности 3-го ранга Анатолии Николаевиче Михееве книгу «Из Лубянки на фронт». Кстати, в 2017 году в его родном карельском городе Кемь был установлен бюст военному контрразведчику...

А Николая Кравченко тут же определили на должность заместителя начальника Особого отдела 34-й армии Северо-Западного фронта. Армейское управление армии было срочно сформировано на территории Московского военного округа 16 июля 1941 года под руководством комбрига Н.Е. Пронина.

С 18 июля армия входила в состав фронта Можайской линии обороны, занимала позиции западнее Малоярославца и постепенно получала для своих частей по мобилизации личный состав.

В беседе с автором бывший выпускник 434-й средней школы Москвы, рядовой защитник столицы рокового сорок первого года Шорин Валентин Алексеевич, ставший впоследствии видным сотрудником МИДа и послом в ряде стран, вспоминал, что формирование частей проходило спешно.

В трехротном стрелковом батальоне вооружали так. Первую роту обеспечивали винтовками полностью, вторую – наполовину, а третью выводили на поле брани без оружия. И юнцы, и пожилые люди разных специальностей должны были найти, нет, скорее добыть себе оружие на местах сражений. Это была дикость, но от правды никуда не деться.

Вся тяжесть контроля и оказания помощи оперативному составу 245-й, 257-й, 262-й стрелковым дивизиям и 25-й кавалерийской дивизии легла на плечи Николая Григорьевича. Он мотался по особым отделам соединения под бомбежками и артиллерийскими обстрелами. Именно в это время вражеский осколок, словно бритвой, срезал часть мягких тканей на правой стороне заплестья. Он потерял много крови.

Спасла ему жизнь медсестра, находившаяся, к счастью, рядом. Она быстро обработала рану, остановила кровотечение и, самое главное, не дала попасть в рану инфекции. Иногда в полевых условиях возникала антисанитария, и могло бы быть заражение крови. С тех пор он носил на гимнастерке или кителе желтую ленточку – знак легкого ранения. Красная нашивка говорила о тяжелом увечье. Но цвета этих знаков ранений были относительны, потому что, бывало так, что бойцы погибали от легкого ранения и выживали после тяжелого.

Особенно были напряженными дни, когда армия готовила и проводила контрудар под Старой Руссой в середине августа сорок первого.

Уже после войны станет известно, что начальник штаба оперативного управления ОКВ вермахта Вильгельм Кейтель затребовал целый танковый корпус для ликвидации прорыва 34-й армии. К великому сожалению, наша армия была расчленена и частично уничтожена. На 26 августа она насчитывала чуть более двадцати двух тысяч личного состава. Причинами неудачи действий 34-й армии, по оценке начальника Управления особых отделов НКВД В.С. Абакумова, были названы потеря управления войсками со стороны командования объединения и соединений армии и неудовлетворительное обеспечение авиацией и средствами противовоздушной обороны. Случалось так, что немецкие самолеты бомбили войска 34-й армии в течение всего светового дня, нередко группами по 80-100 самолетов, но никакого противодействия с земли им не оказывалось.

По результатам разбирательства в ходе следствия и суда были расстреляны командующий армией К.М. Качанов и начальник артиллерии армии В.С. Гончаров. Командующего Северо-Западным фронтом П.П. Собенникова сняли с должности и арестовали. Его приговорили к пяти годам заключения. Впоследствии срок заменили понижением в звании.

Немцы тоже понесли огромные потери. Об этом свидетельствуют списки погибших вояк вермахта в ухоженных немецких пантеонах-кладбищах под Старой Руссой, где довелось недавно побывать и автору.

В течение 1941 года потрепанная в тяжелых сражениях 34-я армия вела оборонительные бои, а весной 1942 года неудачно участвовала в Демянской наступательной операции в районе поселка Демянска между озерами Ильмень и Селигер. В настоящее время эта территория относится к Новгородской области.

В результате активных наступательных действий соединения Северо-Западного и Калининского фронтов силами 1 – го гвардейского корпуса и 34-й армии стали замыкать кольцо окружения противника. Немцы попали в своеобразный «котел», в котором оказалось шесть дивизий, включая моторизованную дивизию СС «Тотенкомпф». Во главе окруженных войск стоял командир 2-го корпуса граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд, которого высоко ценило руководство вермахта, благожелательно относился к нему и сам фюрер.

Ставка приказала командованию Северо-Западного фронта не только держать «котел», но и проводить серии наступательных действий. Но, к сожалению, сил для реализации приказов свыше – выйти в тыл группы армий «Север» – у наших войск не хватило. Более того, немцы, используя два полевых аэродрома, перебросили свежие силы с целью стремительно деблокировать свою группировку.

34-я армия испытывала нужду в вооружении, боеприпасах, бронетехнике, а также личном составе, частично выбитом гитлеровцами при контрнаступлении и обороне.

О всех недостатках, желая поправить дела в армии, Николай Григорьевич Кравченко докладывал своему начальству и руководству фронта. Однако инициатива нередко бывает наказуема. Помощи армии неоткуда было ждать. Лозунг – «Все для фронта, все для победы!» в тот период на острейших участках битвы с агрессором не всегда действовал. Страна после перенесенного шока внезапного нападения гитлеровской Германии только организовывалась, собиралась с силами для отпора врагу.

В конце апреля фашистами путем наращивания сил и средств созданся 6-8-километровый коридор в районе деревни Рамушево, через который поддерживалось сообщение с частями, находящимися в Демянском окружении.

5 мая гитлеровцами блокада была снята. Это явилось для вермахта победой, которую немцы высоко оценили и даже отчеканили в честь этого события памятный знак – «Щит Демянска».

После деблокирования Демянской группировки в апреле 1942 года Северо-Западный фронт провел вместе с 34-й армией девять наступательных и две оборонительные операции. Все наступательные действия наших войск оказались неудачными. Главной цели – вторично окружить противника – они не достигли.

Вторая Демянская операция была проведена в феврале 1943 года, но и тогда не удалось окружить немцев. Однако, несмотря на эти неудачи, 1 марта Демянск был полностью освобожден.

Интересный факт: прототип героя «Повести о настоящем человеке» летчик Алексей Маресьев был сбит 4 апреля 1942 года именно здесь, в воздушном бою недалеко от Демянска.

* * *

Эти чисто армейские события, в которых Николай Кравченко непосредственно участвовал, конечно же, не могли не повлиять на судьбу нашего героя. Весной 1943 года заместителя начальника Особого отдела НКВД объединения подполковника Кравченко переводят на должность помощника начальника Управления особых отделов (УОО) Брянского фронта.

Его принял начальник армейской контрразведки фронта коренастый, симпатичный и моложавый генерал-майор Николай Иванович Железников. Автору этих строк доводилось не единожды встречаться и общаться с ним во время учебы в ВШ КГБ СССР. Он в то время был начальником Первого факультета вышеупомянутого чекистского вуза.

– Ну что, тезка, знаю, армию твою потрепали основательно, – скрипучим и несколько глуховатым, очевидно из-за обильного курения, голосом начал говорить генерал. – Знаю и трагическую судьбу ее командиров. У нас тут не легче. Задачи фронта конкретные – прикрытие о рл о веко-тульского направления и подготовка войск для разгрома группировки противника, обороняющей Брянск. Дел у нас с вами будет много. Вы уже опытный боец, прошу принять активное участие в помощи составления отчетных документов и организации управления особых отделов армий и соединений фронта. И конечно, оказание помощи молодым руководителям и рядовому оперативному составу, особенно по делам и сигналам.

– Спасибо за доверие, постараюсь его оправдать, товарищ генерал, – кратко и на первый взгляд несколько казенно, как это принято у военных, ответил Николай Григорьевич.

– Ну тогда с сегодняшнего дня и начнем работу.

– Есть...

Недолго пришлось ему поработать в войсках Брянского фронта, который 10 октября 1943 года на основании директивы Ставки ВГК еще от 1 октября был упразднен. Его армии – 3-я, 11 – я, 50-я и 63-я вошли в состав Центрального фронта. Полевое управление фронта было переведено на формирование нового управления, теперь уже Прибалтийского фронта, в который вошли 11 – я гвардейская и 15-я воздушная армии Брянского фронта третьего формирования.

Генерал-майор Николай Иванович Железников 10 октября 1943 года был направлен начальником Управления КР Смерш НКО СССР Прибалтийского фронта, ставшего через десять дней 2-м Прибалтийским на основании директивы Ставки ВГК от 16 октября 1943 года.

Сведений о деятельности Н.Г. Кравченко с момента его окончания работы в Управлении КР Брянского фронта, к великому сожалению, не имеется. По всей вероятности, он находился в «резерве» ГУКР Смерш НКО СССР. Конечно же, этот «резерв» был связан с проведением Тегеранской конференции союзников трех держав.

* * *

Лаврентий Берия вместе с Всеволодом Меркуловым, народным комиссаром государственной безопасности, обсуждали одну из операций по выявлению агента в партизанском

отряде на территории Белоруссии. В это время «закрякала» сталинская «вертушка» ВЧ-связи – прямая линия с Верховным главнокомандующим.

– Слюшаю вас, товарищ Сталин, – сказал Берия выпучив глаза, отчего через стекла пенсне они увеличились и показались сидящему напротив Меркулову еще крупнее. Лаврентий Павлович приложил указательный палец к губам, тем самым показывая, что слышать голос Меркулова нежелательно в данный момент.

– Есть, товарищ Сталин, везжаю, – торопливо и услужливо, весь согнувшись, словно от навалившейся тяжести, проговорил нарком, даже несколько приосанившись.

Меркулов все понял с полуслова.

– Я поехал к Сталину. Разберитесь вместе Пономаренко. Надо помочь ему вычислить негодяя в партизанском отряде. Иначе этот оборотень выведет наших людей на засаду, и легендарный отряд погибнет.

– Найдем, Лаврентий Павлович, обязательно найдем.

После этого Меркулов встретился с генерал-лейтенантом Пономаренко – первым секретарем ЦК ВКП(б) Белорусской ССР и начальником Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД).

Кстати, у Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко позже не сложились ни деловых, ни товарищеских отношений с руководителем ГУКР Смерш НКО СССР генерал-лейтенантом Виктором Семеновичем Абакумовым из-за разногласий на предмет оперативного обслуживания партизанских отрядов. Он даже будет жаловаться Сталину на всесильного шефа военной контрразведки. А с учетом того, что в дальнейшем вождь хотел видеть П.К. Пономаренко своим очередным преемником, нетрудно предположить, на чьей стороне в споре двух генералов оказался Верховный.

Дело в том, что по мере расширения военных событий накапливались и проблемы в организации партизанского движения, в том числе и касающиеся вопросов обеспечения государственной безопасности. Эти недостатки сразу же подметил В.С. Абакумов, и 20 августа 1943 года на имя начальника ЦШПД П.К. Пономаренко направил за № 45820 аналитическое письмо, в котором вину за состояние контрразведывательной работы перекладывал на руководителей отрядов.

Шеф советской «партизанки» на критику ответил Абакумову резким письмом, которое было не только доложено Сталину, но и зачитано руководителю Смерша в присутствии самого Верховного главнокомандующего. Хозяину военной контрразведки словно подсказали – «а ну-ка, петушок, сядь на свой шесток», умерь непомерные амбиции. На защиту первого секретаря Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко встало все партийное руководство страны, весь ее кремлевский ареопаг.

Здесь сыграла роль корпоративная близость партийных аппаратчиков разных степеней и уровней, партия и для чекистов была рулевой. Недаром же она называла чекистов своим «боевым, вооруженным отрядом». Были у нее и другие отряды – армия, флот, внутренние, пограничные войска ит.д.

Это был уже сигнал в адрес Виктора Семеновича со стороны Главного Хозяина: не поднимай палку на партийца!

Скоро Пономаренко появился в кабинете Меркулова.

– Всеволод Николаевич, – начал с обращения-жалобы генерал-лейтенант Пономаренко, – я обеспокоен тем, что продолжается порочная практика с работой по оперативному обслуживанию партизанских отрядов со стороны сотрудников военной контрразведки. За последние месяцы от руководителей народными мстителями в ЦШПД поступили десятки обобщенных документов об активизации подрывной работы немецких спецслужб в партизанских соединениях. Агентуры их – как вшей в окопе, а воз и ныне там. Понимаете, не чувствуют партизаны помощи от военных контрразведчиков...

– Пантелеймон Кондратьевич, я думаю, мы наведем в этом деле порядок. Несколько дней назад мы собирались у Лаврентия Павловича по данному вопросу. Присутствовал и Виктор Семенович. Приняли ряд важных решений, которые, несомненно, помогут развязать этот затянутый узел, – образно подметил творческий человек со склонностью к драматургии, пьесы которого шли даже в театрах столицы, – а что же касается конкретного «крота», внедренного в ваш отряд, мы готовы направить туда группу. Группу из опытных контрразведчиков.

– Всеволод Николаевич, надо срочно решить эту проблему, иначе можем погубить самый боеспособный в Белоруссии отряд, – продолжал Пономаренко.

– Я уверен, найдем и вытащим мы эту опасную занозу, – заверил партизанского вожака нарком госбезопасности.

* * *

Когда Берия прибыл в Кремль, в приемной его придержал секретарь Сталина Поскребышев.

– Александр Николаевич, кто там? – спросил шеф НКВД у верного оруженосца Сталина.

– Жуков с Антоновым.

– Ясно.

Он раздумывал, как поступить: «Вызывал же? Но у военных могут быть свои тайны с Иосифом. Подожду. У меня тоже не слабее секреты».

К своей радости, он услышал гулкие шаги военных и тут же направился к тамбуру. Жуков почему-то пропустил генерала Антонова вперед, сухо поздоровался с наркомом внутренних дел и пошел догонять подчиненного, который дипломатично сбавил ход.

Поскребышев доложил вождю о прибытии Берии.

– Пускай войдет, – устало бросил Сталин.

– Лаврентий, я тебя вызвал по одному важному вопросу. Затеваается, как ты уже знаешь от меня, встреча трехсторонняя – СССР, США и Англия. Черчилль предлагает Каир, Рузвельт – Стамбул или Багдад. Я настаиваю на Тегеране. Так оно и будет. Я веду войну на своей территории – войсками надо руководить. Иран – сосед Закавказья.

Берия уставился, нет, скорее вцепился в красные с желтоватым налетом белки уставших глаз вождя из-за сотни прочитанных бумаг – справок, донесений, приказов, директив и, конечно же, от недосыпаний. – Я поеду только в Тегеран. Нам нужно создать в иранской столице штаб оперативного реагирования во главе с грамотными чекистами.

– У нас там имеется боеспособная резидентура по линии внешней разведки, – заметил Берия. – Мне Павел Михайлович Фитин докладывал, что среди армянской диаспоры не только в Тегеране, но и по всей Персии есть много наших глаз и ушей.

– Что резидентура, что разведчики, глазами и ушами надо руководить, они привыкли жить вольницей, а немец, как мне докладывали, готовится тоже серьезно. Он хочет выкрасть или убить нас троих.

«Неужели что-то новое пронюхал этот рвущийся к власти Абакумов и опередил меня в докладе Хозяину?» – подумал Лаврентий Павлович, и желваки на его скулах заходили интенсивнее.

– Я готов направить начальника Второго управления НКВД Петра Васильевича Федотова. Грамотный, цепкий, опытный чекист, – заторопился с ответом Берия.

– Ну что ж, пусть готовится, – рассеянно обвел глазами кабинет вождь. – Только предупреждаю, чтобы никто не узнал, куда он отлучится.

– Ясно, товарищ Сталин.

– Подготовь мне документ относительно усиления охраны нашего посольства в Тегеране.

– Кое-какие наметки у меня уже есть, – Берия решил заверить Сталина, что до вызова он думал об этом.

– Не кое-какие, а когда будут конкретные мероприятия, тогда и доложи, не тяни. – Сталин, как показалось Лаврентию Павловичу, зло сверкнул уставшими глазами: – Чем скорее, тем лучше.

– Есть! – коротким армейским словом по-солдафонски рубанул Берия.

– Свободен, я тебя больше не задерживаю.

Лаврентий вскочил и быстрой походкой на коротеньких ногах засеменил к выходу. Ему не хотелось, чтобы вождь задавал какие-то вопросы, на которые пришлось бы мучительно искать ответы. В такие моменты он ненавидел себя и своего Хозяина, вопросы всегда были неожиданные, порой каверзные, а на них надо было отвечать конкретно и не тянуть резину. Тумана вождь не любил, как не любил и «плавания» при ответах.

* * *

На следующий день Сталин вызвал Абакумова и поручил ему решить одну важную задачу, предварительно обрисовав предстоящую международную встречу в Тегеране.

– Товарищ Абакумов, мне нужен помощник за границей, именно военный контрразведчик, грамотный чекист-профессионал, желательно статный, симпатичный, умеющий располагать к себе людей, как женщин, так и мужчин. Ему мы поручим как старшему руководить нашими силами охраны в стране пребывания и решать другие вопросы в Иране. Там полно военных, как раз это прерогатива Смерша, не так ли?

– Так точно, товарищ Сталин, – по-военному ответил Виктор Семенович.

– Но смотрите, об этом никто не должен знать. Есть у вас на примете такой человек? Можете ли назвать его вот прямо сейчас?

– Не-е-ет, – с растяжкой, откровенно признался руководитель военной контрразведки. – Мероприятие ответственное, надо прокрутить хоть несколько кандидатов, чтобы определиться.

– Ну, покрутите... Даю вам трое суток на решение этой задачи, – приказал нарком обороны своему заместителю по безопасности.

Военная контрразведка в лице особых отделов в то время уже вышла из состава НКВД. Смерш входил в систему НКО СССР. Наркомом оборонного ведомства стал Сталин.

– Будет сделано, – отчеканил Абакумов.

– Выберите только такого, чтоб был представителен, силен, умен и решителен, – опять заострил внимание подчиненного с Лубянки вождь.

– Ясно, товарищ Сталин...

Через отведенное время Абакумов снова сидел в кабинете у Сталина и докладывал, что у генерала Железникова на Брянском фронте есть такой человек.

– Он помощник начальника военной контрразведки фронта, подполковник Кравченко Николай Григорьевич. Выходец из казаков, украинец-восточник. Кандидат отвечает всем предъявляемым вами, товарищ Сталин, требованиям.

– Ну тогда вызывайте его, я тоже хочу с ним познакомиться. Но сначала выясните его состояние здоровья, желание отправиться в непривычную командировку, только пока без подробностей, не забывая и другие профессиональные вопросы. Вы, я думаю, понимаете, о чем я говорю.

– Да, товарищ Сталин!

– Ну тогда действуйте. Вы свободны...

– Есть, товарищ Сталин.

Абакумов быстро покинул кабинет Верховного главнокомандующего и в приемной у его секретаря Поскребышева застал чем-то озабоченного Ворошилова. На приветствие Абакумова он молча кивнул и прошел в кабинет вождя.

* * *

Душным июльским днем сорок третьего года шифровкой из Центра подполковник Н.Г. Кравченко был вызван из Брянского фронта в ГУКР Смерш.

Когда генерал Железников сообщил подчиненному, что его ждут на приеме у руководства Смерша, Кравченко удивился, но не стал задавать уточняющие вопросы, знал – приказы военные, в том числе и в ЧК, не обсуждают. А еще он понял, что сам руководитель контрразведки фронта тоже не знает никаких особых подробностей. Он находился в таком же неведении, как и сам приглашенный...

Сборы были недолги.

На военно-транспортном самолете он добрался до Белокаменной быстро, хотя и не очень комфортно – в таком самолете уютных кресел не было. Их замещали длинные лавки вдоль холодных бортов.

Москва встретила офицера непривычной тишиной после постоянной огневой канонады на фронтах, отчего в ушах остаточное продолжало гудеть даже тогда, когда не стреляли. Здесь в Москве царящая тишина им воспринималась воистину звенящей. Как показалось Николаю, она тяжким грузом стала наваливаться на него и, казалось, вот-вот раздавит. Сказывалось и волнение из-за неизвестности. Неожиданно китель стал ему слишком узок. Он расстегнул ворот и задышал полной грудью...

Устроившись в гостинице, Кравченко позвонил дежурному по Главку.

– Вас ждет генерал Абакумов завтра в 10.00. Приведите себя в порядок. Он не выносит неопрятно одетых людей, тем более сотрудников. Прошу не опаздывать. Разрешение на проход в дом номер два будет готово к вашему прибытию в бюро пропусков, – проинструктировал дежурный офицер.

– Понятно, – коротко ответил Кравченко.

Николай Григорьевич подошел к четвертому подъезду, открыл массивные дубовые двери, обратив внимание на крупные детали бронзовых ручек, натертых руками сотрудников Лубянки до блеска.

«Видать, много народа ходит здесь, даже металл не тускнеет, – подумал Николай.

Прибыв на Лубянку, он поднялся на лифте на указанный этаж, зашел к дежурному по Главку и, получив соответствующий инструктаж, без пяти десять вошел в приемную хозяина Смерша.

В 10.00 четко отрапортовал:

– Товарищ генерал, помощник начальника управления контрразведки Смерш Брянского фронта подполковник Кравченко по вашему приказанию прибыл.

– Здравствуйте, Николай Григорьевич, – Абакумов встал из-за стола и направился к подчиненному. Он протянул ему руку, поздоровался. Приятный запах одеколона исходил от его наглаженной гимнастерки с двумя большими нагрудными карманами. Поверх гимнастерки находился без портупей с накладной звездой на бронзовой пряжке широкий офицерский ремень, туго стягивающий спортивного телосложения торс хозяина кабинета.

«Однако же крепкое рукопожатие у начальника. Видно, мужик силен физически», – подумал Кравченко.

«Стальная рука в этом высоком черноволосом украинце. Чувствуется у казака силища – дай боже. Такого и я туда хотел, и Сталин, думаю, согласится с кандидатурой. Да и умишком природа его, видать, не обошла, как мне докладывали направленные и кадровики. Статный

мужик, гренадер настоящий», – в свою очередь предался коротеньким и быстрым раздумьям Виктор Семенович, идя к столу, а затем усаживаясь на свой деревянный стул с высокой спинкой.

– Садитесь, – хозяин кабинета предложил мягкое кресло у приставного столика.

– Спасибо.

– Ну не разговаривать же нам стоя. А речь пойдет о важном, ответственном деле.

– ???

– Мы вас собираемся направить в заграничную командировку, – после этих слов генерал внимательно взглянул в глаза подполковника и добавил, повторно акцентируя внимание на неординарности задания: – Командировку очень важную... очень ответственную. Кстати, здоровье позволяет?

– Не жалуюсь, товарищ генерал.

– Как обстановка на Брянском фронте после тридцать четвертой?

– Научились бить немца. Есть результаты, и по главной линии, я имею в виду разоблачение немецкой агентуры, и наших помощников, зафронтowych, периодически забрасываем. Существенно помогли фронту заграничные... – Кравченко еще хотел, видимо, что-то сказать, но Виктор Семенович прервал его.

– Опыт их формирований на этом фронте был солиден – сам командующий Еременко в сорок первом инициировал их создание. Но это все в прошлом. Перейдем к главному. Предстоит командировка в Иран, а точнее, в Тегеран. Вы, наверное, знаете, что там стоят наши войска. Скоро туда отправятся эшелоном пограничники -131-й мотострелковый полк пограничных войск НКВД с очень важной целью – для охраны руководителей трех держав-союзниц, которые будут участвовать несколько дней в международной конференции, – постепенно раскрывал скобки предстоящей его командировки Абакумов. – Нужен координатор от нашей службы.

Николай знал, что там находятся советские войска, обеспечивающие безопасность прохода ленд-лизовой и другой помощи Красной армии через «оперативные коридоры» по территории Ирана.

– На здоровье не жалуетесь? – опять спросил почему-то хозяин кабинета и внимательно посмотрел на желтую ленточку на кителе.

«Наверное, он крутится вокруг проблемы со здоровьем в связи с моим ранением», – подумал Николай Григорьевич.

– Нет, со здоровьем все в порядке. О ранении уже забыл.

– Это хорошо. Ваша задача будет заключаться в оперативном руководстве нашими негласными и полугласными возможностями. Главное – обеспечение надежной охраны советской делегации и делегаций союзников... Понятна задача?

– Да, однако, я полагаю, мне помогут там местные наши коллеги разобраться с расстановкой сил и средств, а я уж буду действовать по оперативной обстановке, – четко, без шапкозакидательства ответил Николай.

– Согласен, правильно оцениваете процесс подключения к работе. С вами хочет встретиться товарищ Сталин, – неожиданно огорошил подполковника Абакумов.

– ???

– Чего вы стушевались?

– Все же Сталин! – выдохнул Кравченко.

– Он прост, как правда. Уважает честность, не любит поддакивания. Пиши правильно, если даже диктуют ошибочно, лезть да мстить дружны, – приосанился из-за умно брошенных фраз Абакумов.

После этой встречи руководитель Смерша повел Николая Григорьевича Кравченко в Кремль. Со Сталиным, наверное, они говорили о тонкостях предстоящей операции в далекой

горной стране, но нам до сих пор не дано узнать конкретику этой беседы. Не явилось ли это плодом черной зависти у многих партийных чиновников и руководителей Лубянки?

Многие вехи дальнейшей жизни нашего героя, выстроившиеся в цепь трагической судьбы, особенно после 1953 года, когда шла охота «на ведьм» в процессе хрущевской десталинизации, красноречиво говорят об этом.

Но с подробностями лукавства, подлости и жестокости читатель познакомится чуть ниже.

ОПЕРАЦИЯ «ДЛИННЫЙ ПРЫЖОК»

«Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!» Эти слова... произнес закоренелый фашист... имя этого бандита и убийцы, нацистского диверсанта № 1, избранника и любимца Гитлера – Отто Скорцени.

Юлиус Мадер

На фоне продвижения с жесточайшими боями Красной армии на запад в начале 1943 года в Берлине колченогий Геббельс организовал серию мобилизационных митингов, на которых призывал специально подобранные толпы к тотальной войне. Он, артистически потрясая вытянутой вперед правой рукой, как бы спрашивал собравшихся граждан: «Вы хотите тотальной войны?» И послушные толпы исступленно горланили: «Да! Да! Да!»

Тотальная война входила – в первую очередь – в планы Гиммлера и Кальтенбруннера, сменившего павшего от рук чехословацких партизан руководителя службы безопасности Гейдриха.

Новое детище Геббельса предполагало усиление фашистского террора в самой Германии и за ее пределами. В системе РСХА создается «Управление VI S» – (Управление зарубежной разведки СД, отдел террора и диверсий). Возглавил его по приказанию бонз Третьего рейха человек со шрамами – Отто Скорцени, о деятельности которого уже много написано. Школа диверсантов и террористов-убийц располагалась в охотничьем замке Фриденталь, в часе езды на автомобиле от Главного управления имперской безопасности (РСХА).

Она благодаря удачному расположению и разнообразному ландшафту местности была идеальным местом для обучения контингента того специального подразделения имперской службы безопасности, скрывающегося под названием «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург». Обучающийся личный состав носил гражданскую одежду. Выпускники покидали альма-матер только в ночное время. Их вывозили на машинах к аэродромам и железнодорожным вокзалам.

Гауптштурмфюрер Отто Скорцени был искренним адептом нацизма и, естественно, лично предан фюреру. Он являлся как бы его «головным агентом» и организатором, в том числе всяких «мокрых дел и делишек».

Со временем Отто скажет: *«Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!»*

Эти слова прозвучали 31 августа 1960 года в ирландском городке Далкей на собрании так называемого Общества историков. Его там никто не задержал. Не могли это сделать островные власти по определению – холодная война была в самом разгаре!

Но вот что интересно – взгляды у Отто Скорцени с калейдоскопической быстротой менялись в зависимости от обстоятельств. Заглянем в его дневниковые записи конца 1941 года, когда он стал свидетелем краха мифа о непобедимости вермахта. Узнав о потерях своей эсэсовской дивизии «Дас рейх», еще недавно находившейся в нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы, он вполне объективно замечает:

«...10.12.41.

Скоро станет ясно и войскам: продвижение вперед закончено. Здесь наша наступательная сила иссякла.

У соседней 10-й танковой дивизии осталась всего дюжина танков».

Когда операция генерал-фельдмаршала Федора фон Бока под кодовым названием «Тайфун» провалилась, Скорцени, который много знал о том, что творилось в верхах Третьего рейха, охватил ужас:

«...Поскольку похоронить своих убитых в насквозь промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал им руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся яму трупы погибших за последние день-два».

Как точно передал этот миг остекленелых глаз советский поэт Михаил Светлов в стихотворении «Итальянец», написанном в далеком 1943 году в двух последних его четверостишиях:

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей.

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

Это было всего лишь начало конца гитлеровского режима. Потом были еще более мощные удары, о которых говорилось выше.

Скорцени всегда оценивал события реально, ошибался только в одном – в фанатичной вере в Провидение своего фюрера. Девяносто покушений на жизнь Гитлера как бы подтверждали действенность его оберега через это самое Провидение. Последние террористические операции – от смоленского покушения, организованного 21 марта 1943 года во внутреннем дворе Цейхгауза на выставке военных трофеев в Берлине полковником генерального штаба вермахта Хеннингом фон Тресковым и бароном Рудольфом фон Герсдорфом, и до попытки убить фюрера в его ставке «Волчье логово» под Растенбургом в Восточной Пруссии 30 июля 1944 года полковником Штауффенбергом, – не сработали.

И все же стратегически, как известно, Провидение покинуло Гитлера после того, как он напал на Советский Союз. Ему все чаще и чаще приходилось то дипломатично оправдываться, то объявлять траурные дни в Германии, то выражать соболезнования семьям генералов, павших в боях на Восточном фронте, то подозревать их в измене и приказывать казнить всех тех, кто ослушался не только приказов верховного главнокомандующего, но даже выражал сомнения в правильности его доводов.

* * *

Деятельность гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени тесно связана со многими диверсионно-террористическими операциями фашистской разведки против СССР, Красной армии и союзных войск коалиции. Непосредственное отношение он имел и к подготовленной операции по физическому устранению глав союзнических стран: СССР, США и Великобритании.

К концу 1943 года пора «молниеносных» побед, «блицкригов», «броневых клиньев» и прочих новаций германского генералитета миновала. Для одураченных партнеров по «оси» наступил период отрезвления от военных поражений с объявлением траурных дней под печальные мелодии духовых оркестров, еще недавно выдававших бравурные марши. Большая часть

Германии лежала в руинах, но «европейская экономическая заначка» еще способствовала активному сопротивлению: работали заводы, добывалось сырье, в избытке было рабочих сил за счет военнопленных и оstar-байтеров – людей, вывезенных для работы в Германии из Восточной Европы.

Однако политики Третьего рейха срочно перестраивались в двух направлениях: организация и создание «тотальной» и «глобальной» секретных служб.

Под «тотальностью» в деятельности специальных органов руководство РСХА понимало прежде всего осуществление диверсий, взрывов, поджогов, похищения людей, убийств, отравлений и т. д.

Под «глобальностью» – организацию подрывной деятельности во всем мире. Конкретно намеревались вооружить против англичан племена в Иране и Индии. Готовились парализовать судоходство по Суэцкому каналу, забросить агентуру в партизанские отряды югославов и французов, взорвать ряд предприятий в СССР и США, организовать в Англии сеть глубоко законспирированных радиостанций для передачи важных разведывательных материалов, организовать мощную «пятую колонну» на территории Бразилии, Аргентины и других государств Южной Америки. Упор делался на поддержание уже налаженного процесса выпуска фальшивой валюты для стран, воюющих с Германией.

Кальтенбруннер в это смутное для рейха время часто встречался с любимцем Гитлера Отто Скорцени, который вскоре стал высокочтимым и для него. На одной из встреч в середине сорок третьего года шеф заметил:

– Отто, сейчас твой очередной победный час настал. Ты и твои ученики можете сделать больше, чем полки или дивизии вермахта. Гейдрих в достаточной степени не оценил работу по сбору данных о слабостях и уязвимых сторонах видных политиков и генералитета противника. А ведь это основа для шантажа, компрометации и даже, позволю себе смелую мысль, для создания вербовочных ситуаций, а в случае осечки – физического их устранения.

– Герр обергруппенфюрер, эта работа активизирована под неослабным контролем сегодня, как никогда. Картотека пополняется практически ежедневно. Много есть чего интересного, и уже мы работаем по отдельным кандидатам. Я вам докладывал, – исподлобья пояснил человек со шрамами на обветренном и смуглом лице.

– Помню, помню, – согласился шеф. – Сейчас главная задача – Тегеран. У нас сил там достаточно? Сможем контролировать процесс?

– Да, герр обергруппенфюрер! Наша резидентура во главе с Францем Майером отслеживает, причем в ежедневном режиме, изменения, касающиеся оперативной обстановки, – пояснил австриец.

– О том, что встреча состоится именно там, у нас уже нет никаких сомнений. Сталину выгодно – близко к фронтовым делам и главное – безопасно. К тому же он как Верховный главнокомандующий далеко уехать или улететь не может. Идет война ведь на его территории, надо руководить войсками, и он всегда может вернуться в Москву, если потребует обстановка, – подытожил диалог на эту тему Эрнст.

– Но могут взбрыкнуть Рузвельт и Черчилль. Американцу-то при его болячках болтаться по воздуху – полмира преодолеть. Вдобавок у него на носу выборы.

– Нет, не взбрыкнут они. У Черчилля и Сталина там свои войска стоят. К тому же советский фюрер в результате стольких побед над вермахтом, особенно после Сталинграда и Курска, набрал такую силу, с которой союзникам не считаться нельзя. Он прет буром на Германию.

– Это правда – видит бог. Советская Россия на этом этапе жизни заставила себя бояться... Но нас им не одолеть, я больше чем уверен, – у вермахта непременно откроется второе дыхание благодаря нашему новейшему оружию. И мы армии поможем...

– Ты прав, Отто, а теперь скажи, где твой фон Ортель? Успеет ли он со своими «учениками» из Гааги быстро добраться до цели? – поинтересовался Кальтенбруннер.

– Сейчас он «работает» на «землях» Коха. В Ровно оперативная обстановка осложнилась и поэтому заставила меня направить его в новую столицу Украины. Партизаны и подполье замучили. Теракты в городе развернулись в полную силу. Красные бандиты не дают спокойно работать нашей администрации – налеты за налетами.

– Смотри не опоздай с персидской высадкой Ортеля и его команды в нужное время, – нахмурился обергруппенфюрер.

– Я этого не допущу. Держу руку на пульсе событий, – уверенно заверил Скорцени и взглянул на шестигранный карандаш, который шеф катал с щелканьем по лакированному столу, как он часто делал при обсуждении серьезных вопросов, хотя у такой службы все они были таковыми: – Советы сегодня набирают силы.

– Подземные каризы опробованы?

– Да, наши гаагские охотники не раз исследовали эти подземные хода и смогут по любому сигналу пробраться по ним к самому советскому посольству и практически, если это понадобится, в упор расстрелять или пленить «Большую тройку». Ортель и его коллеги в курсе дела этих кротовых ходов.

Кальтенбруннер закивал в знак согласия узким, вытянутым книзу лицом, так похожим на лошадиную морду или топор-колун...

Не знали эти два эсэсовца, что каризы опробованы уже и чекистами, которые готовы были встретить неприятеля под землей и по обстоятельствам: уничтожить кинжальным огнем или пленить немецких террористов.

В такой обстановке готовилась операция гитлеровцев под кодовым названием «Длинный прыжок», возглавить которую должен был Отто Скорцени. Цель – физическое устранение или пленение на Тегеранской конференции руководителей «Большой тройки»: Сталина, Рузвельта и Черчилля. Больше всего их интересовал Сталин. Они прекрасно понимали, что кончина Верховного главнокомандующего в полыхающей войне – это серьезный удар по боеготовности Красной армии и вообще внешней политике СССР.

* * *

Отто Скорцени!

Переместимся на машине времени в послевоенный период и увидим, как германский обер-палач избежал справедливого возмездия за целую череду кровавых преступлений. Он не изменил своей нацистской идеологии до конца своих дней, а потому не исправил себя, о чем говорил известный немецкий публицист, поэт и философ Генрих Гейне в отношении своих земляков. Он утверждал, что «мы не можем задним числом исправить свою биографию, мы должны жить с ней. Но мы можем исправить себя». Скорцени не исправил себя.

Если бы можно было тогда напечатать объявление о розыске военного преступника, то оно выглядело бы примерно так:

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ РОЗЫСК ПРЕСТУПНИКА

аресту подлежит **ОТТО СКОРЦЕНИ**,

скрывающийся под фамилиями или псевдонимами:

Мюллер (1938 г., Вена);

Доктор Вольф (сентябрь – октябрь 1944 г., Германия и Венгрия);

Золяр (ноябрь-декабрь 1944 г., Германия и Бельгия);

Мистер Эйбл (1947 г., «Исторический отдел» американской секретной службы, город Нейштадт-на-Лане);

Рольф Штайнер (1950 г., Гамбург);

Пабло Лерно (1951 г., Швейцария, Италия, Франция);

Антонио Скорба (1954–1955 гг., Австрия);

Роберт Штайнбауэр (с 1951 г., Испания).

Член нацистской партии с 1932 года (членский билет № 1083671);

член СС с 1934 года (эсэсовский номер 29579);

сотрудник службы безопасности (СД);

бывший военнопленный американской армии;

военный преступник, разыскиваемый для предания суду согласно спискам военных преступников, представленных Чехословацкой Республикой, а также Комиссией Объединенных Наций по расследованию военных преступлений.

26 июля 1948 года он совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в городе Дармштадте.

Возраст: 55 лет (родился 12 июня 1908 г. в Вене).

Рост: 196 см.

Телосложение: крупное, атлетическое, выправка спортивная, походка непринужденная.

Плечи: очень широкие, покатые.

Особенности лица: треугольное с сужением книзу (хотя некоторые рисовали его лицо прямоугольным. – Лет.). Лоб высокий с тремя глубокими горизонтальными морщинами; на правой щеке и подбородке – шрамы.

Цвет кожи: смуглый, иногда переходящий в сильный загар.

Волосы: темно-русые, подстрижены ежиком, надо лбом выдаются вперед, на висках торчат щеткообразно.

Усы: временами носит «мушкой».

Глаза: серо-зеленые.

Нос: средней ширины, ноздри прямые с горизонтальным основанием.

Уши: овальные, мочки висячие.

Подбородок: выдвинут вперед.

Зубы: передние полностью сохранились.

Рот: узкий, отчетливо виден шрам, идущий от левого угла к подбородку.

Речь: отрывистая; говорит по-немецки, по-английски и по-испански – с немецким акцентом.

ПОДЛЕЖИТ АРЕСТУ ЗА:

- соучастие в подделке и распространении фальшивых денежных знаков;
- изготовление подложных документов, свидетельств и паспортов;
- разбой и грабежи;
- вымогательство;
- членство в преступных организациях;
- государственную измену (1938 г., Австрия);
- организацию тайных союзов, военные преступления и преступления против человечности (истязание и убийство гражданских лиц, а также ограбления).

ПРИ АРЕСТЕ СОБЛЮДАТЬ ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ!

ПРЕСТУПНИК ВООРУЖЕН!

Так выглядел бы приказ об аресте Отто Скорцени – бывшего начальника военного отдела секретной службы СС, с 1943 года – специального агента Гитлера, со слов немецкого писателя и журналиста Юлиуса Мадеры, высказанных им в 1963 году. Существовали зарисовки словесного портрета эсэсовца и другими журналистами, и его современниками из числа коллег по карательной службе.

Однако задержать таинственного и удачливого Отто так и не удалось. Его приютил регент и каудильо Испании, шестьдесят восьмой председатель правительства этой солнечной страны

генералиссимус Франко Баамонде Франциско, который в целом в период Второй мировой войны полностью поддерживал нейтралитет с Германией, за исключением посылки на Восточный фронт так называемой Голубой дивизии – 250-го соединения испанских добровольцев. Личный состав этой дивизии представлял собой смесь солдат регулярной армии, ветеранов гражданской войны и членов фалангистской милиции. Дивизия обрела свое название по голубым рубашкам – форме Фаланги. На Западе ее называют «Синей дивизией». Но испанское соединение погоду для нацистов так и не сделало. Не получилось у Франко «безоблачного неба» над Россией.

Скончался Отто Скорцени 6 июля 1975 года возрасте 67 лет в Мадриде. Франко его пережил на три с половиной месяца. Агент Гитлера и тут рассчитал свои силы и сделал все для того, чтобы не усложнять свою жизнь в случае смены режима в Испании.

* * *

1943 год.

В Советском Союзе произошел ряд знаменательных событий. Практически восстановились оборонные отрасли экономики. Самолеты, танки, орудия и другие виды вооружения превосходили количественные и даже качественные показатели «крупновско-рейнской» промышленности, активно работающей не только в Руре, но во многих европейских странах, оккупированных гитлеровской Германией.

Страна повернулась в сторону национальных интересов – распустили Коминтерн, показав союзникам, что у Советского Союза есть своя национальная идея, направленная на создание крупнейшей самостоятельной мировой державы.

Когда у Красной армии наметились успехи на фронтах, Сталин решил заменить послов в Америке и Великобритании. Литвинов и Майский не вписывались в это стремительно реформируемое время.

Да, они были прекрасными дипломатами, с высоким профессиональным вкусом подходили к решению щепетильных вопросов, но эти люди привыкли порой вынужденно прогибаться перед союзниками в связи с разного рода просьбами. Теперь, как считал Сталин, пришло время не просить, а требовать. Для этой цели были нужны другие люди. Послом в США поехал Андрей Андреевич Громыко, а в Англию – Федор Тарасович Гусев.

Неслучайно Запад со временем наречет советского посла в США А.А. Громыко, а затем и министра иностранных дел «мистером нет» за жесткое отстаивание национальных интересов Советского Союза. Это потом в России в результате предательств Горбачева и Ельцина, или Эльдара, появится «мистер да» в лице Андрея Козырева, прозябающего нынче в США и не интересующего нынешний американский истеблишмент.

В начале 1943 года была заменена военная форма: введены погоны, воротниковые стойки на кителях и гимнастерках. Отложные воротники с «кубарями и шпалами» теперь олицетворяли тяжелое прошлое с поражением на фронтах, особенно в первые месяцы войны. Поэтому Сталин решил показать миру, что в СССР создана совершенно новая армия, которая пойдет только к победам с традициями, в том числе и в обмундировании, императорской или имперской, как кто считает правильное, России.

Наконец 15 марта 1944 года была введена официально принятая торжественная песнь в честь государства, государственный гимн – Гимн Советского Союза, написанный поэтом Сергеем Михалковым в соавторстве с Гарольдом Эль-Регистаном. До этого в СССР гимном считался «Интернационал»...

Все это с новыми победами на фронтах указывало, что вместо отсталой крестьянско-азиатской страны на мировую арену вышла новая мощная сверхдержава, встающая вровень с такими великанами, с такими гигантами, как США и Англия.

Теперь хочется сказать несколько слов о предложении Иосифа Сталина поселиться на территории советского посольства президенту США Франклину Рузвельту.

Агентура наших разведки и контрразведки располагала данными о серии готовящихся террористических атак со стороны германских спецслужб. Оценка обстановки была правильной. Дело в том, что американское посольство, где предполагалось остановиться Рузвельту, располагалось в одной из дальних окраин Тегерана. Это был беспокойный бандитский район, где обманывали, воровали и убивали. А президенту каждый день нужно было бы ездить на конференцию в наше посольство через весь город. Поэтому охрана главы американской делегации сразу же поддержала идею переселения своего шефа на территорию посольства СССР. Генерал Федотов и подполковник Кравченко по этому поводу подготовили свои предложения в письменном виде.

Английское представительство соседствовало с советским, поэтому Черчиллю ничто не угрожало. Надо отметить, что именно при подготовке конференции наладилось более-менее искреннее взаимоотношение спецслужб союзных государств. Не всем, естественно, сокровенным они делились с советскими коллегами, но все-таки накануне Тегеранской конференции наши органы государственной безопасности вместе с представителями английских спецслужб переловили немало агентуры и разгромили «осиные гнезда» немецкой разведки, обитатели которых готовились больно ужалить «Большую тройку».

Это был результат реального взаимодействия разведок и контрразведок, особенно советских и британских, поскольку войска этих двух стран находились в Иране. Англичане оккупировали южные районы бывшей Персии, а Советский Союз – северные.

«АГЕНТ 17» И МАЙОР ФОН ОРТЕЛЬ

Террор не придумал для уравнения общества никаких других средств, как только рубить головы, поднимающиеся над уровнем посредственности.

Пьер Буаст

Во время нахождения партизанского отряда наркомата госбезопасности «Победители», возглавляемого полковником Медведевым Дмитрием Николаевичем (псевдоним – Тимофей) на территории Ровненщины, его разведчик Николай Иванович Кузнецов, действовавший в образе обер-лейтенанта Пауля Зиберта, а в отряде его знали как Николай Грачев, через свою агентуру познакомился с интересным в оперативном плане фашистским офицером майором Ульрихом фон Ортелем.

Вывела Кузнецова на немца подруга известной разведчицы Лидии Лисовской Мария Микота.

Историческая справка:

Мария (Майя) Микота родилась в 1924 году в городе Костополь Ровненской области. С 1942 года работала официанткой на железной дороге и в кафе «Дойчехауз» в городе Ровно. Завербована немецкой и польской разведками (соответственно оперативные псевдонимы – «17» и «Маленькая Майя». – *Авт.*). В то же время она успешно работала и на советскую разведку. Ее информацию через Н.И. Кузнецова активно использовал отряд «Победители».

Зверски убита бандеровцами 26 октября 1944 года в селе Каменка на трассе Острог – Шумск. Именно в этом селе будет буквально растерзан и другой герой войны, сражавшийся с бандеровским подпольем, сотрудник территориальных органов госбезопасности капитан Наретин. С этими открытыми материалами автор познакомился в УКГБ УССР по Ровненской области в далекие 1970-е годы.

Что касается Марии Микоты, она была награждена посмертно орденом Отечественной войны II степени. Сегодня бандеровская хунта сделала все, чтобы вытравить из памяти людской подвиги украинских патриотов.

В 100-летный юбилей со дня рождения Н.И. Кузнецова в июле 2011 года автор с группой местных ветеранов органов областного управления КГБ посетил столицу украинского Полесья – город Ровно. Мы прошли по местам легендарных подвигов известного разведчика и увидели, что народ помнит своих героев, несмотря на политические бури, прошумевшие и никак не успокаивающиеся с 1991 года и особенно после майдана 2004 года с попытками стереть легендарное прошлое из памяти.

Но прошлое – это чужая страна, там все по-другому, а еще прошлое – это будущее, с которым люди по разным обстоятельствам разминулись в пути. К сожалению, многие улицы переименованы, сняты памятные доски, демонтирован памятник легендарному разведчику, но хорошо, что осталась память у наших украинских коллег – ветеранов-чекистов о его подвигах во время войны.

Государственный переворот на Украине, организованный разведкой США на майдане 2014 года, еще больше усилил русофобскую модель «незалежной» с настойчивыми попытками переписать историю Великой Отечественной войны, и не только. Украинские незаконные националистические власти замахнулись на исторические пласты более ранних периодов существования этих земель, вплоть до рубежей Киевской Руси.

Однако вернемся к личности Майи Микоты.

В своей книге «Найти и уничтожить» местный «следопыт подвигов» Кузнецова Александр Намозов писал:

«С тех пор они подружились: красивая Майя и щедрый на комплименты разведчик обер-лейтенант Пауль Зиберт. Еще тогда боевик-исполнитель Николай Кузнецов и не мог догадаться, что важнейшие во всей его карьере разведчика оперативные сообщения, которые впоследствии сделают его легендой советской разведки, он получит именно от этой маленькой волшебной куколки».

От кого, когда и что же он получил такого важного от этой «волшебной куколки?»

Как-то на квартире известного ровненского врача-гинеколога Пospelовского Пауль Зиберт познакомился со штурм-банфюрером войск СС Ульрихом фон Ортелем. Майора на эту квартиру привела Майя Микота, сотрудничавшая с ним как агент СД.

«Вот это птица! Как же он мог заслужить такие почести и награды, – подумал Николай Иванович, глядя на грудной иконостас. – Или на фронте, или в спецслужбе. Третьего не дано. Трехцветная лента Железного креста II класса, серебряный знак «Благодарность рейхсфюрера СС» и лента в петлице «За военные заслуги». Надо хорошо расспросить Майю. Может, что-то и поконкретнее добуду».

Из рассказа Микоты он узнал, что Ортель удивил ее своими превосходными манерами, прекрасным знанием русского языка, уважительным отношением к ней. Его служебный кабинет находился рядом с кинотеатром «Эмфир» на центральной улице Ровно Дойчештрассе в доме № 272.

Как известно, в новой столице Украины Ровно обреталось одно из крупных подразделений СД, на которое он имел огромное влияние. Всегда этот немец был при больших деньгах, но пил умеренно, никогда не терял головы – мозги всегда были сухи и чисты. Порой казалось, алкогольный дурман их никак не брал.

Позже наша партизанская агентура установила, что Ортель служит в одном из главных подразделений службы безопасности и занимается вербовкой и подготовкой диверсантов, террористов и разведчиков.

Будучи неравнодушным к своему агенту «номер семнадцать», он не раз признавался ей:

– О, моя ты незабвенная крошка. Если бы ты знала, как я люблю тебя. Я отдыхаю только с тобой, а служба меня держит постоянно в напряжении. Ты, только ты снимаешь с меня дневную усталость. С тобой мне не надо остерегаться и непрерывно контролировать себя. Я объездил много стран, встречал немало красивых женщин, но красивее тебя, моя Майя, я не видел.

И все же на очередной встрече, прилично захмелевший, он проболтался, что хорошо знает советскую столицу, потому что до войны работал в Москве. Мария, почувствовав, что Ортель словесно «потек», язык все больше и больше развязывался, стала подливать ему шнапс. Набравшись впервые при Марии до чертиков, он пустился в бахвальство. Немец признался, что провел одну из самых крутых за последнее время операцию. За нее он вправе ожидать от самого Гитлера благодарности и высокой правительственной награды.

– А почему ты не интересуешься моим подвигом? – промямлил Ульрих.

– Потому что он, наверное, секретный... зачем мне знать какие-либо подробности твоего геройского поступка, – ответила Мария.

– Милая, я тебе доверяю, как себе. Знай, что твой Ульрих – герой! И ты должна знать почему и за что!

И он стал выкладывать, что завербовал и подготовил двух бывших сотрудников НКВД, работавших в милиции до войны в городе Ровно, и направил их в Москву. Они должны найти и устранить в лагере военнопленных бывшего командира 51-го немецкого артиллерийского корпуса генерала фон Зейдлица и бывшего командира 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Даниэльса.

С его слов, как поняла Майя, эти два генерала, попав в плен, создали в Москве Союз немецких офицеров (СНО) и призывают соотечественников убрать с политической арены Гитлера, зачехлить орудия и прекратить войну.

– Я думаю, они найдут предателей германского народа и физически их уничтожат, – осклабился в пьяной улыбке эсэсовец.

На следующее утро Николай Кузнецов уже знал об этом плане хвастуна и болтуна. Дело в том, что Микота довела эту информацию до своей подруги Лисовской. В тот же день в Москву полетела шифровка:

«Тимофей – Центру

«Колонист» через своего агента «Лик» получил достоверную информацию о следующем. В городе Ровно под вывеской частной зуболечебницы функционирует школа диверсантов-террористов, предназначенных для переброски через линию фронта в советский тыл.

Руководил ею до конца ноября 1943 года опытный сотрудник ведомства Шелленберга штурмбанфюрер СС фон Ортель.

В школе из числа бывших сотрудников НКВД подготовлены и уже заброшены (или находятся в процессе заброски) два боевика. Их задача – проникнуть в СНО и убить генералов фон Зейдлица-Курцбаха и фон Даниэльса».

Террористическая акция была предотвращена. Агенты-террористы и предатели были задержаны, разоблачены и понесли заслуженное наказание по всем строгостям военного времени.

* * *

От фон Ортеля Мария узнала, что тот не только знаком, но и является лучшим другом известного диверсанта Отто Скорцени. Похвастался эсэсовец и информацией о скором приращении фашистами «летающих бомб» – ракет «Фау-1», а также уточнил, что перед войной в Москве он трудился в германском консульстве и занимался вербовочной работой среди советской интеллигенции в столице.

И вот тут Николая Ивановича словно окатили ушатом холодной воды.

«Как же так, что мы с ним не пересеклись в столице, – подумал Кузнецов. – А может, и пересекались, и он меня запомнил, а теперь решил поиграть. И уже, возможно, играет со мной. Берегись бед, пока их нет. Посмотрим, как он поведет себя дальше. А вообще у него незаурядный ум, хорошие манеры, прекрасная память. Образно говоря, ешь мед, да берегись жала. Но что он делает в Ровно? По всей видимости, действительно разведчик и своему агенту Майе Микоте сказал правду».

Но для дальнейшего общения с Ортелем у Пауля Зиберта не нашлось времени... На одной из конспиративных встреч со своим агентом «17»– Марией Микотой в начале ноября 1943 года штурмбанфюрер заявил, что сильно переживает из-за скорой разлуки, так как на днях убывает в краткосрочную командировку в далекую горную страну Персию (с 1935 года Иран. – *Авт.*).

– Что тебе привезти оттуда – халат, ковер, бусы, кольца?

– Все это можно купить и здесь. Приезжай поскорее сам живой, здоровый и невредимый, – сделала искусно мрачную гримасу Мария.

– Постараюсь...

Но на следующий день подруга Микоты – работница гебитскомиссариата – рассказала ей по секрету, что Ульрих фон Ортель застрелился в своем рабочем кабинете.

– Откуда ты узнала? – поинтересовалась Майя.

– Все руководство об этой трагедии почему-то говорит открыто. Слух распространился по всей администрации. Его, словно клей обойный, размазывают по стенам, а обоев нет...

– А кто-нибудь видел, чтобы его труп выносили из кабинета?

– Нет...

Конечно же, информация о смерти майора была ложью, инсценировкой с неуклюжим объяснением. Цель – замести следы внезапного исчезновения. На самом деле группа боевиков-террористов, в состав которой входил и Ульрих фон Ортель, прилетела в Тегеран. Кузнецов об этом факте срочно доложил Медведеву, а последний – шифровкой в Центр.

Со временем двойной агент английской и немецкой разведок Эрнст Мерзер подтвердил факт нахождения фон Ортеля в качестве руководителя одного из отрядов террористов в Тегеране. В связи с получением из агентурных каналов сообщений об операции немецких спецслужб «Длинный прыжок» во главе с главным нацистским террористом Отто Скорцени группа подполковника Н.Г. Кравченко совместно с агентурой нашей резидентуры внешней разведки выследила и обезвредила засланных убийц.

По замыслу немцев группа Скорцени – Ортеля должна была похитить Рузвельта, а Сталина и Черчилля уничтожить.

И вот газета «Правда» как раз в очередную годовщину со дня образования военной контрразведки за 19 декабря 1943 года писала:

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). Согласно сообщениям вашингтонского агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что остановился в российском посольстве в Тегеране, а не в американском потому, что Сталину стало известно о немецком заговоре.

Также маршал Сталин сообщил, что, возможно, будет организовано покушение на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта оставаться в советском посольстве во избежание передвижения городом...»

Сообщения Майи были наибольшей удачей за период нахождения и работы партизанского отряда особого назначения «Победители» и лично Николая Ивановича Кузнецова на территории Ровненщины. Именно благодаря не столько ликвидации нацистских бонз в Ровно, сколько этому сообщению Николай Кузнецов – Пауль Зиберт стал легендой советской разведки.

ЗЕЛЕННЫЕ ПОГОНЫ

*А на плечах у нас зеленые погоны,
И мы с тобой, дружок, опять идем в наряд.
У пограничников суровые законы —
Нельзя нам спать, когда другие люди спят...*

(Армейская песня)

Безопасность важной, если не сказать важнейшей, международной конференции в Тегеране в ноябре-декабре 1943 года со стороны Советского Союза была тщательно продуманна и получила максимальное оперативное обеспечение на всех этапах ее проведения.

Прежде чем говорить об оперативном обслуживании органами госбезопасности, в частности подразделениями Смерш, мероприятий, следует сказать о роли и действиях пограничных подразделений и частей НКВД СССР с периода августа 1943 года и до окончания войны.

Это они, словно минеры, обеспечивали прокладку безопасных путей частям Красной армии при вводе их в Иран, согласно совместной англо-советской операции под кодовым наименованием «Операция «Согласие», проводимой с 25 августа по 17 сентября 1941 года. Ее целью являлась защита иранских нефтяных месторождений от возможного захвата их войсками гитлеровской Германии и их союзниками, а также защита транспортного «южного коридора», по которому осуществлялись поставки вооружения, боевой техники и другого стратегического имущества из США и Соединенного Королевства по ленд-лизу для Советского Союза.

Накануне и в первый период Второй мировой войны гитлеровская Германия превратила Иран в плацдарм враждебных действий против СССР и Англии. Орды тайных нацистских агентов обосновались в странах Ближнего и Среднего Востока, особенно в Иране. К августу их численность достигла четырех тысяч человек, в большинстве своем в районах, примыкающих к границе с СССР. Это была германская «пятая колонна» в Иране.

В иранских правительственных учреждениях работали «советники», «инструкторы», «пропагандисты», «агитаторы», стремившиеся вовлечь Тегеран в войну против Москвы, идею которой поддерживал сам прогермански настроенный иранский властитель Реза-шах Пехлеви.

Немцы создавали в иранских пустынях тайные аэродромы, склады оружия и боеприпасов, организовывали и обучали диверсионные группы, затем перебрасываемые на территорию Советского Союза. Появилась серьезная угроза фашистского переворота в Иране, представлявшего опасность для советской страны и всей антигитлеровской коалиции.

Дело в том, что Реза-шах в последний момент стал колебаться, почувствовав, к каким последствиям может привести его «дружба» с Гитлером. Поэтому, несмотря на проберлинские в общем-то настроения шаха, которому 17 августа 1941 года немецкий посол Эттель, офицер СС, предложил военную помощь, гитлеровцы развернули подготовку заговора с целью свержения шаха, не решившего объявить войну СССР.

Гитлер в конце рабочего дня вызвал к себе адмирала Канариса — шефа абвера. Главному военному разведчику пришлось довольно долго дожидаться фюрера, так как то ли от волнения, то ли по привычке есть в определенное время на фюрера напал жор. По воспоминаниям одного из секретарей Гитлера фрау Траудль Юнге, он ел долго и помногу. Ужин проходил так же, как и обед. Обычно подавали холодные закуски и салаты, хоппель-поппель — жареный картофель с ветчиной, залитый яйцами, или вермишель с томатным соусом и сыром. Гитлер часто брал две глазуньи с картофельным пюре и салатом из помидоров.

Свежие овощи и фрукты круглый год поставляли теплицы образцового хозяйства рейхс-лейтера Мартина Бормана, которыми он кормил и своих десятерых детей-погодков, рожденных госпожой Гердой Борман, выдвинувшей идею полигамного «вынужденного брака» в интересах Третьего рейха...

Его продукция доставлялась самолетами даже в Ставку, проделывая путь из Баварии в Восточную Пруссию. Гитлер считал, что его желудку подходят только свежие продукты, поэтому не хотел получать их из других хозяйств. А еще он любил пить чай с печеньем и яблочным пирогом.

Таких правил, наверное, придерживаются и другие государственные властелины. После сытного ужина у Гитлера поднялось настроение, и он провел спокойно беседу с адмиралом...

После этого для подготовки переворота тайно прилетал начальник абвера адмирал Канарис. 23 августа с личным посланием к шаху обратился Гитлер. В своем письме он писал, что ему не следует «...уступать нажиму со стороны США и Англии, так как Германия скоро займет южные области Советского Союза».

Эти действия подхлестнули Сталина к действию. В ответ на такой внешнеполитический спурт фашистской Германии советское руководство направило 25 августа 1941 года прогерманскому правительству Ирана ноту. В ней указывалось, что Советский Союз на основании статей 5-й и 6-й советско-иранского договора от 1921 года, которым предусматривалось, что в случае возникновения угрозы южным рубежам СССР Советский Союз имеет право ввести свои войска на территорию Ирана. А дальше говорилось, что «сегодня он не может равнодушно относиться к создавшемуся положению, а поэтому вынужден сам позаботиться о безопасности своих южных границ...»

В ходе операции вооруженные силы союзников вторглись в Иран не без помощи оппозиции и других демократических сил, свергли прогерманского шаха и установили свой контроль над железными дорогами и нефтяными месторождениями Ирана. При этом войска Великобритании оккупировали Южный Иран, а воинские части СССР заняли территорию Северного Ирана и стали там отдельными гарнизонами.

Во исполнение этой ноты и приказов командования на рассвете 25 августа 1941 года шестьдесят пять боевых оперативных групп, сформированных из личного состава пограничных частей Закавказья, перешли границу Ирана и быстро достигли намеченных рубежей.

Они перерезали дороги, ведущие от границы в административные центры сопредельного государства, захватили мосты через горные реки и выставили свое охранение. Эти мероприятия отмечались, естественно, боевыми столкновениями при ликвидации иранских прошахской и прогерманской ориентаций пограничных, полицейских и жандармских постов.

О грамотности, решительности и скоротечности действий наших групп говорит тот факт, что к 7.00 следующего дня боевая задача, поставленная командованием перед солдатами в зеленых погонах, была выполнена, и таким образом открывался путь беспрепятственного продвижения армейских частей в Северный Иран.

А 28 августа дивизион пограничных кораблей под командованием старшего лейтенанта Самохина обеспечил высадку десанта советских войск в портах Пехлеви и Ноушехр. Здесь же из восьмидесяти моряков-пограничников была сформирована боевая группа, которая заняла город Мозендеран и удерживала его до подхода частей Красной армии.

План гитлеровцев по превращению Ирана в плацдарм фашистской Германии для вторжения с юга в советское Закавказье с целью завладения нефтеносными территориями был окончательно сорван и похоронен.

Однако негласные силы у немцев в Иране были еще солидные, если не сказать более конкретно – очень большие. В северных районах страны агентурной сетью руководил бывший генеральный консул в Тебризе агент абвера Юлиус Шульце-Хольтус.

В 1943 году он скрывался в районе Исфахана – бывшей столицы Персии – у главаря оппозиционных новым властям кашкайских племен Насер-хана и поддерживал постоянную радиосвязь с Берлином.

В районе Тегерана орудовал другой резидент немецкой политической разведки штурмбанфюрер СС Майер под прикрытием работника ритуальной службы на армянском кладбище. Настоящее его имя – Рихард Август. В 1943 году англичане его арестовали, опередив советскую контрразведку. Он был отправлен ими в Индию.

С ним в паре с 1940 года работал в качестве разведчика и радиста немец Роман Гамота под крышей представителя конторы «Иран-Экспресс». Он имел репутацию организатора подпольных групп и знатока партизанской борьбы. Агент много перемещался по стране, прекрасно владел русским языком. Накануне войны заболел малярией и уехал в Германию лечиться. Он был лично известен гитлеровской верхушке.

В мае 1943 года Гиммлер в одной из докладных записок писал Гитлеру:

«Хотя враги назначили большую цену за голову Гамоты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран».

В августе 1943 года Гамота был сброшен с парашютом в районе Тегерана и после приземления связался с Майером. Это он быстро наладил радиосвязь с Берлином. В дальнейшем ему судьба изменила. После провала операции «Длинный прыжок» – покушения на лидеров антигитлеровской коалиции Гамота бежал из Ирана через Турцию. После войны как военный преступник был арестован в Австрии и судим.

Работали в Иране и офицеры СД Вейзачек, Эмерик, Раданович, Вольф, Рутенберг, занимающиеся подготовкой и заброской агентуры в Баку, Тбилиси и Ашхабад.

Часть арестованной советской контрразведкой нацистской агентуры была депортирована в Советский Союз, часть передана англичанам. Только по делу одной прогерманской партии «Меллион-е-Иран» удалось задержать 3 иранских генерала, 10 полковников, 27 офицеров других званий, 62 железнодорожных служащих, 48 гражданских лиц. Но многие и скрылись, однако часть была перевербована.

Что касается судьбы штурмбанфюрера Ханса Ульриха фон Ортеля то, по одной из версий, он с группой боевиков был сброшен на парашюте накануне конференции «Большой тройки» под Тегераном и сразу же был задержан группой захвата, которой руководил сотрудник Смерш подполковник Н.Г. Кравченко.

По второй версии – немецкий террорист и диверсант погиб при попытке его задержания. Существует и третье предположение – почувствовав, что со своей группой попал в заранее заготовленный капкан, он все-таки прорвал кольцо блокировки с несколькими бойцами «плаща и кинжала» и благополучно добрался до Берлина. Дальше его следы теряются...

Это поражение, нанесенное советской и английской контрразведками, было настолько ошеломляющим и сокрушительным, что идея переворота и покушения на «Большую тройку» рисовалась нереальной в создавшейся ситуации, хотя нельзя все эти действия воспринимать примитивно. Оставались у немцев реальные силы осуществить террористический акт. Это понимали направленные Берией – Федотов и Абакумовым – Кравченко.

Гитлеру пришлось пережить этот зубодробительный удар советских спецслужб. Он был в ярости. Когда к нему с бумагами зашла одна из секретарш с ярко накрашенными губами он ее спросил:

– А вы знаете, из чего делают губную помаду?

– Нет... Мне ее привез мой брат из Франции...

– Так знайте, именно в Париже помаду делают из жиров, получаемых из сточных вод. Вот что вы носите на губах. Если бы знали, то никогда бы не красили губы!

Больше она никогда являлась в кабинет своего шефа с накрашенными губами...

* * *

7 октября 1943 года со станции Мытищи Московской области отправился на юг секретный эшелон. Рядовой состав был в неведении, куда его везут. А 12 октября 1943 года эшелон прибыл в Баку. Оттуда на автомашинах личный состав был доставлен в советский приграничный город Астара на азербайджано-иранской границе.

Итак, мы видим, что в условиях строжайшей секретности в Закавказье прибыл железнодорожный эшелон, который доставил личный состав 131-го мотострелкового полка пограничных войск НКВД СССР.

Командовал полком Герой Советского Союза подполковник Никита Фадеевич Кайманов. Несколько слов о нем. Начало войны он встретил в Карелии. В связи с угрозой вступления Финляндии в войну 22 июня 1941 года начальник отделения штаба погранотряда старший лейтенант Н.Ф. Кайманов был направлен на пограничную заставу № 6, прикрывавшую важный узел дорог.

Из-за сложной обстановки численность личного состава заставы была доведена до 146 бойцов. Кайманов принял командование гарнизоном и спешно подготовил укрепленный пункт обороны на территории заставы.

25 июня 1941 года Финляндия вступила в войну, и началась героическая оборона заставы. Двадцать суток крохотный гарнизон отражал многочисленные атаки противника, подвергаясь массированному артиллерийскому и минометному обстрелу, ударам финской авиации.

Погибли четырнадцать пограничников, свыше сорока было ранено. Сам командир гарнизона оказался контужен, но не выходил из боя. Когда связь со штабом была утеряна, отряд Кайманова прорвал кольцо окружения, причем в направлении территории Финляндии, где противник не ожидал контратаки. Пройдя окружным путем по болотам и лесам около ста шестидесяти километров, через пять суток отряд соединился с советскими войсками, вынеся на себе всех раненых.

За мужество и героизм, проявленные на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума

Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года старшему лейтенанту Кайманову Никите Фадеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Эта воинская часть «зеленопогонников» формировалась под личным контролем Лаврентия Берии, так как предназначалась для обеспечения безопасности Тегеранской конференции.

Через три дня полк, погрузившись в машины с гражданскими номерами, пересек государственную границу и направился вдоль Каспийского моря на юг...

В Тегеране полк разместился в военном городке 182-го горнострелкового полка. Именно в Тегеране командир полка Н.Ф. Кайманов получает звание полковника и станет подписывать необходимые документы как «командир гарнизона советских войск в Тегеране».

Командование полка первым делом провело рекогносцировку города для определения объектов охраны. Под охрану были поставлены, например, такие советские и иранские объекты, как посольство, консульство, торгпредство, комендатура. Нашими воинами охранялись также дворец шаха, почта, телеграф, военные склады, аэродром и прочее.

Оперативно обслуживать полк со всеми его подразделениями, несущими охрану вышеперечисленных объектов, было поручено сотрудникам ГУКР Смерш НКО СССР во главе с подполковником Николаем Григорьевичем Кравченко.

Получалось до 100 постов с двумя-тремя воинами на каждом. Кроме того, в городе было создано три взвода резерва. С 24 ноября от полка стал выделяться почетный караул, состоящий из 105 человек.

По прибытию на место у всех военнослужащих отобрали документы, комсомольские и партийные билеты и даже часы... В программу оперативной подготовки включались частые политинформации и разъяснения ответственных задач, которые они будут решать по охране лидеров трех держав. Берия несколько раз докладывал Сталину о возможном нападении немецких диверсантов и террористов на членов конференции в Тегеране.

Какие же конкретные задачи решали пограничники?

В обязанности личного состава входило патрулирование улиц; физическая охрана территории советского посольства и членов делегаций, работающих на конференции; выполнение функций почетного караула; задержание и аресты разоблаченной вражеской агентуры и др.

Полк начал формироваться в городе Бабушкино в ноябре 1942 года, в бывших казармах Московского военно-технического училища войск НКВД. До недавнего времени там находился Военный институт Федеральной пограничной службы. По личному приказу Берии сюда отбирались и направлялись лучшие солдаты. Командиром был назначен уже упоминаемый подполковник Кайманов, заместителями – Герой Советского Союза подполковник Н.М. Руденко и капитан И.Д. Чернопятко. Тридцать шесть военнослужащих полка имели правительственные награды, полученные на фронте. Необстрелянных воинов специально посылали на фронт для стажировки, как говорится, «понюхать пороха».

С февраля по октябрь 1943 года на фронтах побывало несколько десятков снайперов. Всего перед отправкой в Иран по списку значились 1750 человек личного состава. Кроме того, перед самой конференцией особым распоряжением Генштаба полк был усилен отдельным батальоном в количестве 320 человек. По окончании конференции, а точно 6 декабря 1943 года, батальон был откомандирован в СССР и тут же был выведен из штата полка, а 131-й мотострелковый полк погранвойск НКВД остался в Иране и занимался исключительно охраной советских объектов до октября 1945 года – момента его расформирования.

Необходимо отметить, что еще тогда, когда полк находился в Астаре, заработало сито Смерша. По материалам военной контрразведки, на зимние квартиры в СССР было откомандировано двадцать шесть человек, которых «тщательно подбирал» чуть ли не сам лично Лаврентий Берия. Причины разные: пьянство, валютные операции, оставление караула, нарушение воинской дисциплины, дезертирство, установление нежелательных связей и членовредительство.

Кравченко, как уже говорилось выше, принял этот полк со своими коллегами в оперативное обслуживание, потому что охрана лидеров «Большой тройки» полностью зависела от качества службы пограничников этой особой засекреченной части, несмотря на надежный личный состав и проверенное командование полка. Таковы были правила. Их диктовали время и обстоятельства. Началось незримое перетягивание каната между Абакумовым и Берия – Смершем и НКВД...

И все же парни в зеленых погонах выполнили свою задачу достойно – конференция «Большой тройки» в Тегеране состоялась и приблизила победоносный конец в тяжелой войне.

СТАЛИН НА ПУТИ В ТЕГЕРАН

*Еще был слышен грохот пушен,
И кровь рекой еще лилась,
А в Тегеран, делить Европу
Большая тройка собралась...*

Виктор Богодухов

Когда все вопросы о месте проведения международной конференции были утрясены, Сталин выехал в Тегеран 22 ноября 1943 года литерным поездом № 501, который проследовал через Сталинград в сторону Баку. В его бронированном рессорном двенадцатиколесном вагоне были все элементарные удобства для персональной работы, совещаний и отдыха.

Нужно сказать, что с началом войны литерные поезда обрели новое значение. В небе тогда господствовала немецкая авиация, а поэтому Президиум Верховного Совета СССР запретил членам Политбюро пользоваться воздушным транспортом на большие расстояния. Оставался единственный способ передвижения – по железной дороге.

Дочь главного железнодорожного «литерщика» полковника госбезопасности Кузьмы Павловича Лукина Алла Кузьминична в беседе с автором рассказывала, что, по признанию отца, именно он обеспечивал поездку Сталина в Тегеран.

– Алла Кузьминична, отец, уйдя в запас, а потом и в отставку, не оставил мемуары?

– Знаете, пытался написать воспоминания, не раз брался за перо, но то ли сил не хватало, то ли желание каждый раз быстро затухало. Так он свою писанину и не закончил. Как потом образно заметил, «не смог я вылущить из себя то, что знал. А знал много чего интересного».

– Вы-то сами эти записи читали?

– Да, конечно...

– О чем они?

– О работе со специальными поездами вообще и о подготовке литерного поезда для поездки нашей правительственной делегации в Тегеран были там какие-то заметки... – вспоминала с трудом собеседница.

– Не могли бы вы поделиться данными, которые запомнили?

– Конечно, хотя время – наш враг, много чего вылетело из головы, но я запомнила основные моменты с этим литерным поездом. Деятельность отца в этой сфере развивалась следующим образом. В ноябре 1942 года он нашел для своей ответственной службы двух машинистов паровозов, кажется, их величали Виктор Лион и Николай Кудрявкин, если не путаю. (Нет, не напутала, а точно назвала имена и фамилии этих машинистов.) Он их подобрал для работы в транспортном отделе Главного управления охраны НКВД. В служебные обязанности новоиспеченных машинистов-охранников входило обеспечение безопасности движения литерных поездов серии «А». У них были следующие обязанности:

– осмотр локомотивов;

– замена его на новый паровоз в случае обнаружения неисправностей в пути следования;

– контроль за выполнением локомотивной бригадой необходимых инструкций и так далее.

Свою историческую миссию сталинский литер начал в конце 1943 года. Тогда шла подготовка к Тегеранской конференции. В отправке поезда принимал непосредственное участие мой отец и его помощники – Лион и Кудрявкин. Об этом мало кто знает.

– А что отец писал о самом железнодорожном составе? Как он выглядел? Под каким номером шел поезд?

– Начну отвечать с последнего вопроса. Номер мне неизвестен, или он не упоминался в записях отца, или вылетело из головы. В железнодорожный состав вошло: несколько вагонов-салонов; вагон для охраны; штабной вагон с отдельным купе для коменданта поезда и других сотрудников; вагон-гараж на две автомашины; вагон-ресторан, скорее это была столовая; и вагон-склад с продуктами питания.

– Что собой представлял сталинский вагон-салон?

– На первый взгляд он ничем практически не отличался от обычного, но у него не было одного тамбура. Он использовался для увеличения рабочего пространства внутри, за счет чего салон заметно удлинился. Вагон был полностью бронирован, поэтому и потяжелел на целых двадцать тонн. Отсюда и увеличение колесных пар. Меблировали его весьма скромно и казенно: стол, стулья, кресла, отделение для душа и санузел.

– Скажите, Алла Кузьминична, сколько всего паровозов отправилось в эту знаменательную поездку?

– Кажется, три. Первый и третий шли на расстоянии перегона от основного. Второй локомотив тащил состав.

– О проблемах прохождения поезда отец ничего не писал?

– Как же, была одна неприятность.

– Какая?

– На одной из подмосковных станций, не помню названия, поезд остановился. В небе послышался гул немецких бомбардировщиков. По рассказам отца, все замерли, затаив дыхание в ожидании бомбежки. По селектору комендант состава дал команду, чтобы никто не выходил из вагона. Молчали и зенитки на платформах. Стая воздушных хищников прошла стороной, видно, не заметив поезда. Он ведь тоже шел с маскировкой. Видно, она качественная была – постарались художники, нарисовав на крышах вагонов железнодорожные пути. Если бы фрицы знали, кто находится в поезде!..

– Наверное, разбомбили бы эшелон?

– Думаю, зенитчики отогнали бы немцев. Целая батарея стояла на платформах. Но могло случиться и худшее...

Алла Кузьминична Лукина передала автору книги и правительственные награды отца, которые в настоящее время хранятся в недавно открывшемся Музее боевой славы Департамента военной контрразведки ФСБ. Руководство Департамента ВКР ФСБ России и сотрудники Совета ветеранов ДВКР приложили много усилий, для того чтобы музей состоялся.

* * *

В воспоминаниях главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова есть упоминание о перелете главы государства и делегации в Тегеран двумя самолетами, которые он готовил к полету лично.

Как уже известно, Сталин покинул Москву со своей немногочисленной свитой поездом. Часть делегации доехала до Баку, а там ее ждали два самолета Си-47, которые должны были доставить пассажиров в Тегеран.

На аэродроме московских гостей встречали главком ВВС А.А. Новиков и командующий Авиацией дальнего действия А.Е. Голованов. Новиков доложил, что для основной делегации подготовлены две машины. Одну поведет генерал-полковник Голованов, другую – полковник Грачев, личный пилот Берии...

– А как, когда и чем доставите мидовцев? – спросил Сталин.

– Через полчаса за нами полетят еще два борта с сотрудниками МИДа.

– Какое воздушное прикрытие? – вдруг поинтересовался Верховный.

– Три девятки истребителей, – ответил главком, а потом неожиданно спросил у Сталина: – На каком самолете вы желаете полететь?

– Хм, генерал-полковники редко водят самолеты, навыки теряются, мы лучше полетим с полковником. Приглашаю с собой вас, товарищи Молотов, Ворошилов, Берия и Штеменко.

Надо отметить, что Грачев был лучшим летчиком страны и, как уже говорилось выше, личным пилотом наркома внутренних дел СССР. Потом все они, герои описываемых событий тегеранского периода, пострадают в разных степенях от мстительного и волюнтаристского волеизлияния Хрущева после смерти Хозяина Кремля.

С мертвым телом вождя злобный сатрап-политикан «повоевал отменно» – втихаря вынес из Мавзолея и зарыл на кремлевском погосте. Берию, Меркулова, Абакумова и десятка два других сотрудников госбезопасности казнил. Тысячи профессионалов разведчиков и контрразведчиков-участников войны отправил в отставку с поражением в правах, Молотова и Ворошилова вышвырнул из руководства страны. Штеменко и Грачева понизил в должностях и всячески унижал. Судоплатова за то, что «тесно» работал с Берией, упек на 15 лет тюрьмы – во Владимирский централ, где тот ослеп и заработал два серьезных инфаркта. Жукову подло подставил ножку, жульнически снял с должности министра обороны...

Добрался и до нашего героя – Николая Григорьевича Кравченко. С подробностями этой истории читатель еще познакомится.

Такие сумасбродные люди, каким был новый Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР, «с гнусностью подходят к объяснению прошлой истории», как говорил Тютчев.

Но все эти гнусности проявятся потом, а пока вернемся к Тегерану, периоду, когда Хрущев готов был лизать и лизал, говорят, сапоги вождю за пьяные проделки своего старшего сына – летуна Леонида. Но это другая история. О ней честно написал в своей книге «Записки контрразведчика» генерал-майор В.Н. Удилов, с которым автору доводилось общаться во время службы на Лубянке. За его плечами десятки успешно завершенных дел, хитроумных операций, о которых широкая общественность если и знала, то только из куцых сообщений ТАСС либо из официальных нот МИДа.

* * *

Итак, известно, что самолет со Сталиным вел шеф-пилот Берии полковник Виктор Георгиевич Грачев.

В описаниях поездки советской делегации со Сталиным в Тегеран Голованова и Штеменко есть разночтения, которые можно объяснить только субъективностью восприятия.

А вот как освещал приезд в Баку литератора «А» С.М. Штеменко в своей книге «Генеральный штаб в годы войны»:

«...К вечеру приехали в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра за мной заехали, и мы отправились на аэродром. На летном поле стояло несколько двухмоторных винтовых самолетов «Дуглас Си-47», кстати, самых надежных машин в мире. Американцы их построили более 13 000 единиц. У одного из них прогуливался командующий Авиацией дальнего действия А.Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В.Г. Грачева. В восемь часов на аэродром прибыл И.В. Сталин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.